

Часть 2. На прорыв

Возду аянные

Алина Тай

По-хозяйски встунки на крыльцо,
В лоб - прикладом, ногтик - меж ребер клином,
В думу - кислород. И в долговину.
У войны не женское лицо...

САМИДЕАТ 2020

Умер? Попал в свой персональный Ад? А кто ты?

Попаданец, который ничего не помнит о себе. Время, о котором помнят многие: Демянский котёл образца февраля 1942 года. Страна в огне. Смерть буквально дышит в затылок, но, почему-то, постоянно медлит. Или даёт шанс?

Подсказать Сталину, как спасти СССР? Если б знал, кто такой Сталин... Если б помнил хоть что-нибудь — всенепременно! Только память наотрез отказывается сотрудничать. До своих бы добраться. А кто они — свои? Одно ясно точно — русские.

Только как интерпретировать случившееся? Тело-то чужое. Причём, настолько, что хоть волком вой. Может, лучше умереть?

Кто ты — герой или жертва обстоятельств? А может, просто человек, пытающийся помочь своим соотечественникам?

Русские — они такие...

Часть 2. На прорыв. Пролог

По-хозяйски вступит на крыльцо,

В лоб — прикладом, штык — меж рёбер клином,

В душу — кислотой. И в домовину.

У войны не женское лицо...

Алина Тай

Все имена и события в произведении вымышлены,
любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

...От крови нашей плавилась земля

Под Сталинградом, Курском и Одессой.

Не дрались бы — не стало бы тебя,

Потомок тех, кто пал в бою под Брестом.

Мы шли сквозь дым сожжённых деревень,

Над Бабьим Яром сглатывая слёзы,

И закалились, ставши как кремень.

И встали, словно русские берёзы.

Вобрав в себя тоску невинных душ,

Фашистами замученных, сожжённых,

Мы, стиснув зубы, грянем дружно туш,-

Гвардейский туш “Катюш” дивизионных.

Запомнит это пусть любая мразь:

Кто к нам с мечом — тот в бок получит вилы!

Мы — русские! Бьём гадов, не таясь.

И пусть любой боится нашей силы!

Яворский Л. Е.

По заснеженной дороге, вихляя как пьяный из стороны в сторону, полз бронетранспортёр с чёрными крестами на бортах, в котором страдали от холода и тряски

двое людей. Сидевший сзади был привязан к сиденью и никак не мог устроиться поудобней: десантный отсек бронированного полугусеничного чудовища изобиловал жёсткими, неудобными металлическими конструкциями, то и дело впивавшимися в разные части нежного немецкого организма, совершенно не привыкшего к такому обращению.

Управлял же этой боевой машиной, как ни странно, совершенно гражданский человек. Более того, — приглядевшись повнимательнее, вполне можно было опознать в нём женщину. Это становилось ясно по шали, покрывавшей голову, да случайно выбившейся из-под неё длинной пряди тёмных волос, упорно цеплявшейся за всё подряд, из-за чего владелица нервничала и отвлекалась от управления, пытаясь убрать непокорный локон. В этот момент бронетранспортёр совершал очередной пируэт, намереваясь покинуть проезжую часть и вынуждая водителя вновь крутить баранку, чтобы заставить непокорную железяку вернуться к центру дорожного полотна. По этим эволюциям становилось ясно, что водитель ещё довольно неопытен. Тем не менее, бронетранспортёр упорно двигался вперёд к пока ещё невидимой впереди цели.

По обеим сторонам дороги медленно проплывали заснеженные лесные массивы, открывая неискушённому взгляду всю прелесть суровой природы России-матушки. Надвигающиеся сумерки окутывали путешественников тёмным саваном, гасившим любые звуки — природа готовилась отойти ко сну. Лишь надсадное рычание двигателя, пугая всё живое, разносилось по округе. И если бы не лёгкий ветерок, гнавший навстречу неугомному, чадно дымящему и воняющему бензином чудищу снежную позёмку, громкие лязгающие звуки слышно было бы далеко вокруг. Будто сама природа помогала путешественникам раньше времени не раскрывать своего местоположения.

А меж тем, мороз крепчал и ветерок стал потихоньку набирать силу, уже пригоршнями бросая снег в лицо бронированному монстру. Чтобы не замёрзнуть, водителю пришлось ненадолго остановиться, перевести пленного офицера на переднее сиденье, зафиксировав его там, и, натянув на десантный отсек брезент, отправиться дальше.

Из-за плохой видимости скорость транспортного средства стала совсем уж черепашьей. Тем не менее, бронированное чудище по-прежнему мерно ползло по дороге навстречу неведомому, поражая окружающий мир своим бессмысленным железным упорством...

На тропе войны

Казалось бы, после боя прошло уже гораздо больше часа, а я всё ещё на взводе. Никак треклятое напряжение не отпускает. И слабость свою показывать никак нельзя: я на марше, кругом враги. Вон, рядом — и то вражина примостился. Во время езды развлекаю себя и его разными песенками, да шутками-прибаутками, чтобы не заснуть и не вляпаться в очередную “халепу”* (неприятности — укр.).

Сначала-то ещё хуже было: пока освоился с управлением “Ганомага” — чуть не поседел. Оказалось, у этих нехороших агрегатов никакого гидроусилителя руля не предусмотрено, а рычаги довольно тугие.

Как тронуться с места разобрался быстро — у этих фрицев даже руководство по эксплуатации оказалось в кабине заныкано. Сам-то я, понятное дело, по немецки — ни бум-бум. Зато немчик очень даже неплохо читает.

Хотя тут даже читать не понадобилось: я и сам прекрасно до всего дошёл. Да тут, в принципе, и ребёнок бы понял: органов управления — раз, два, и обчёлся. Единственное затруднение вызвал поиск “массы”. А так, педали — газ, тормоз и сцепление —

стандартные, рычаг переключения передач с поясняющей табличкой — в принципе, тоже. Ручник и два рычага, управляющие блокировкой гусениц для более крутого поворота (об этой особенности полугусеничного бронетранспортёра мне память подсказала) — тоже понятно. Только вот кнопка “массы” для запитывания электроцепи от аккумулятора сразу на глаза не попала. Но искал её тоже недолго.

<https://www.youtube.com/watch?v=OgXR-C27KLo>

https://www.youtube.com/watch?v=47BqXeS_YXs

Гораздо больше напрягает то, что руль постоянно пытается вырваться из рук и приходится напрягаться, чтобы удержать вредный агрегат на дороге. А у меня и так ранение правой руки, из-за чего переключать передачи и дёргать рычаги — сущее мучение.

Как ни пытаюсь бравировать, а состояние организма всё хуже и хуже. Долго ли протяну на одной силе воли? Одному бодаться с превосходящими силами врага — дохлый номер. Ведь я ранен не только в руку. И потеря крови мне здоровья точно не прибавила. Силы тают, а конца-края этому затянувшемуся путешествию к своим пока и не видно.

Да и уехать недалеко успел: ночь вступила в свои права и видимость упала почти до нуля. Пришлось зажечь фары. Точнее, фару, так как была она только одна (вторая не работала), да и та прикрыта кожухом, сквозь который пробивалась узкая полоска света, реально не освещавшая практически ничего. Пару раз чуть не съехав в кювет, я разозлился и чуть было не снял кожух. Но, хорошенько подумав, от нездоровой идеи отказался: транспорт без светомаскировки, во-первых, станет очень хорошей мишенью. А, во-вторых, у тех же фрицев вызовет подозрения. То есть, быстренько проскочить сквозь вражеские посты никак не получится. Пришлось удвоить внимание. Но даже так периодически терял дорожное полотно из виду. Так что измучился — жуть.

— Эй, фриц, — окликнул я притихшего пленного, — а куда вы направлялись?

— Ф сторону Парффинно, — не стал отпираться немец, — По этой торога немного ехать осталось.

— И что там будет? Ещё два взвода твоих камрадов?

— Ньет. Товарный станций. Покруска-раскруска. Польшая станций. Мноко-мноко зольдат унд официрен.

— Чёрт! — от злости я чересчур резко вдарил по тормозам, отчего бедный “Ганомаг” заглох, — Придурок, ты что, раньше не мог сказать?

— Фройляйн найн спрашивать. Лойтнант Лепке найн говорить.

— Ты что, тупой? — выверился я на фрица, — Если бы мы сейчас нарвались на твоих камрадов — тебя бы первого грохнула. Тебе что, жить надоело?

— Найн, фройляйн, найн. Я не тумал, что ви путете тута ехайт.

— Сказки мне не рассказывай, — сплюнул я в сердцах, — Думал он. Индюк тоже думал, да в суп попал.

Вот ведь гавнюк, явно специально промолчал. Выскочил бы я сейчас на станцию, где торчит дохренища фрицев — и ага. Как говорится, поминай, как звали. И дорог тут лишних в объезд что-то никак не наблюдается. В одну сторону — станция, в обратную — стопудово какой-нибудь ещё населённый пункт, в котором немчуры как грязи. Снова в лес — опять по колено, по пояс в снегу. Далеко ли уйду? “Ганомаг” по снежной целине тоже недалеко уедет. И что делать?

Как назло, в голове настолько пусто, аж звон идёт. Мыслей вообще никаких. А что в таких случаях русские делают? Рассчитывают на свой любимый “авось”.

Из дальнейшего общения с фрицем, выяснил, что искать их пока особо не будут: задержка на дороге вполне укладывалась в среднестатистическую погрешность. Да и рации у них всё равно нет — сообщить командованию о задержке никак не получится.

Услышав об этом, я с подозрением уставился на немчика:

— А тебе не кажется, что ты слегка заврался, паря? — прищурил я левый глаз, — В Вашей колонне должно было быть как минимум две рации — в танке и на “Ганомаге”. На “Ганомаге” рации не нашла — видимо, сняли по какой-то надобности. А из панцера антенна точно торчала. Так что ваше руководство при отсутствии доклада могло что-то заподозрить.

— Найн, найн, фройляйн Ольга, — залопотал перепуганный лейтенант, — *Der Radiosender am Tank funktioniert nicht. Wir gingen nach Parfino, um die Ausrüstung zu reparieren und nachzufüllen. M-m... Радиостанций нихт рапотать. Ми ехайт на станций Парф-фино — репарирен унд польючить новый крус... г-руз.*

— Знаешь что, лейтенант Лепке, — выдернув из ножен штык-нож, я недвусмысленно помахал лезвием перед глазами собеседника, — сейчас я тебе поверю. Но не дай Бог тебе меня обмануть — долго не проживёшь. Ваш чёртов вермахт и камрады эсэсовцы уже такого на нашей земле натворили — и ваши правнуки с нами за эти злодеяния не смогут расплатиться. Так что имей в виду — одно лишнее движение — и я выпущу тебе кишки вот этим самым ножичком. Компрене-ву?

— Я, я, натюрлих...

Не знаю, что там в моих глазах увидел этот напыщенный индюк, но правый глаз у него отчего-то задёргался.

— Значит так, — штык-нож переключал на штатное место и я, наконец, сподобился заправить так мешавшую мне прядь волос в складки шали, — увидишь своих камрадов на посту — скажешь, что едем на станцию. По какой-то надобности — сам придумаешь. Не мне тебя учить. Скажешь что-нибудь не то или дёрнешься — убью. Мне, видишь ли, терять нечего. Так что если встанет вопрос о моей жизни — тебя с собой на тот свет заберу. Имей это в виду.

Судя по позеленевшему виду камрада, до него дошёл смысл моих слов. А я призадумался.

Ночь. Темно, как в гробу. Я на “Ганомаге”. И кто тут может по ночам шариться на немецком бронетранспортёре? Только свои. Чтобы окончательно утвердить немчуру в этом мнении, поможет пленный. Если прогавкает что-то не то — ему не жить. Думаю, он это прекрасно понимает. Особо сильных патриотических чувств в его взгляде я что-то не заметил. А вот желания жить — хоть отбавляй. Так что скажет именно то, что от него требуется. И чтобы простимулировать, так сказать, рвение исполнить приказ в точности, есть колотушка, которую предусмотрительно прикрутил болезному к спине, а верёвочку от запала привязал к запястью. Ибо возмездие должно свершиться, даже если меня убьют.

Есть, конечно, небольшой шанс, что "патриотизм" у немчика, всё же, не вовремя разыграет — тогда каюк будет уже обоим. Но не думаю, что мой пленник настолько храбр. Это он с беззащитными бабами и детьми орёл. Когда же на кону стоит собственная жизнь — кишка у него тонка. Ведь это обычный пехотный офицер, а не эсэсовец. Да, вспомнил: эсэсовцы из дивизии “Тотенкопф” (“Мёртвая голова”) отличались просто-таки бараньей упёртостью и не боялись ни Бога, ни чёрта. В отличие от остальных горе-вояк третьего Рейха. Так это их подразделение я умудрился ухайдохать в деревеньке с сожжёнными жителями? Не факт. Памяти в таких вопросах без документального подтверждения нельзя

доверять. Но у меня и выбор не особо большой. Документы-то я банально “профукал”. Так что условно будем считать — точно так.

Как же это они так по-глупому подставились? Хотя, да: жестокость и упёртость — далеко не лучшие качества солдата. Как говорится, иногда и головой думать надо. Эсэсманы, вроде, и вояки были отменные (опять память чудит), но потери у них по сравнению с остальными немчиками — просто ужасающие. Именно из-за прямолинейности и упёртости. Там, где надо отойти и перегруппироваться — прут в лоб, как стадо баранов. Зато в издевательствах над пленными и мирным населением им равных точно нет. Так что огребли от меня по заслугам. Если появится ещё возможность — обязательно устрою очередной геноцид эсэсовского поголовья. Больно уж счёт у меня к этим тварям велик. Вместе нам на этой маленькой планетке точно не ужиться!

Но надо двигаться дальше и как-то выбираться отсюда. Проверив лишний раз оружие и потренировавшись в быстром занятии позиции у пулемёта (что из-за брезента оказалось не так уж просто), завёл ещё не остывший двигатель и сделал перегазовку, проверяя его работу.

Затем, выбросив лишние мысли из головы, вновь газанул и, дождавшись падения оборотов до нормы, выжал сцепление, воткнув передачу.

“Ну, с Богом!” — прошептали мои губы одновременно с тем, как бронированная машина тронулась с места и отправилась к станции.

— Чёрт, чёрт, чёрт!..

Сколько же здесь немчуры набилось — аж жуть берёт. Вся станция так заставлена техникой, что проехать практически невозможно. Причём, вместо того, чтобы дрыхнуть сном праведников, вся эта серая мышьяная масса (многие, кстати, в маскхалатах) пребывает в хаотическом броуновском движении: то и дело раздаются короткие команды на лающем немецком, рычит прогреваемая техника и целые подразделения грузятся в транспорт, отчаливая куда-то в одном им известном направлении. Я сильно удивлён тем фактом, что проехал вообще без какой-либо проверки: увидев "Ганомаг" и торчащую сверху голову офицера, постовой просто поднял шлагбаум и махнул рукой — дескать, проезжай быстрее и не мешай brave солдатам вермахта нести службу. А как только бронетранспортёр отъехал, тут же опустил перекладину и нырнул в тёплое нутро бытовки. Это что вообще за хрень такая? Уверовали в то, что им никакие законы не писаны? Совсем мышей не ловят? Так я их быстро этому научу.

Особенно это желание разгорелось с новой силой, когда на пути следования возникли несколько виселиц с задубевшими и замороженными трупами мужчин и женщин. В одном из повешенных я с болью и горечью опознал подростка лет четырнадцати. Это взвинтило градус жажды мщения просто на невиданную высоту. Так что даже, в какой-то степени, стал благодарен не проверившему докумены постовому — легче будет фрицам перца под хвост насыпать. Хотя вопрос ленивости камрада, всё же, подспудно беспокоил: неужто ловушка? Хотя, на одного меня — вряд ли.

Но когда забрался чуть поглубже в посёлок, понял, отчего камрад совершенно не переживал: при таком количестве немчуры на единицу площади можно совершенно не беспокоиться о каких-то там диверсантах или партизанах. Как говорится, с головой влез прямо в осиное гнездо, полное злобных и весьма рассерженных ос.

На моё счастье, появление ещё одной единицы бронетехники было просто проигнорировано: как только понял, во что вляпался, тут же пристроил свой "Ганомаг" к

борту какого-то грузовика, отчего “содержимое” бронированной жестянки, на моё счастье, пока не попало на глаза никому из начальства.

Вера в наш непобедимый и могучий “русский авось” сыграла со мной злую шутку. Судя по всему, на станции шла ротация живой силы противника. Видимо, пришёл состав и шла его активная разгрузка. Как, в принципе, и пытался мне намекнуть плохо говорящий по-русски пленный офицер. Подразделения целыми колоннами уходили по нескольким направлениям. Немного понаблюдав за движением немчуры, аккуратно пристроился в хвост одной из колонн, уходящих в северо-восточном направлении. Пока держал дистанцию и выруливал, осматриваться было весьма проблематично. Но когда проезжали мимо железнодорожных путей, поневоле пришлось обратить внимание на творящийся на станции беспредел.

А беспредел объяснялся просто: с одного из эшелонов шла выгрузка бронетанковой техники, с других — живой силы противника. Судя по количеству занятых путей и огромной, сумасшедшей круговерти действующих лиц, сюда прибыло пополнение — как бы не целый полк. Да плюс бронетехника. Ох, нашим ребятам не поздоровится с такой силищей бодаться.

А я бы и рад им чем помочь, да совершенно ничего сейчас не могу сделать. Ну начну я фрицев поливать из пулемёта — и что дальше? Не пройдёт и пяти минут, как из меня сделают дуршлаг, а фрицы потеряют максимум пару отделений солдат. Против танков пулемёт ведь совершенно не катит. Разве что заминка на эти самые пять минут выйдет. И кому я сделаю хорошо? Сам погибну и к нашим не попаду. Офицерику, вон, разведчикам не доставлю. А у него — нутром чую — есть что рассказать. Да и документы я прихватил. А в них может быть много чего важного и интересного.

Так что начну стрелять — и можно тушить свет. Даром, что полтора десятка немчиков отправятся на тот свет. Это ж курам на смех! Не, “такой хоккей нам не нужен”. Так что тихой сапой пока выбираемся из этой мышеловки. И ничего... Я сказал — ничего не предпринимаем.

Хотя... Чёрт побери! Темно. Бардак. В данный момент проезжаю мимо стоящей колонны грузовиков с какими-то подозрительно знакомыми бочками. Неужто бензин? Ёлки-палки. Да при таком бардаке (несмотря на знаменитый ордунг), что у них сейчас, и почти полной темноте я ж такого наворотить смогу...

От мгновенно промелькнувшей в голове затеи губы сами-собой растянулись в предвкушающе-мечтательной улыбке, от вида которой немчик как-то подозрительно побледнел и затаил дыхание, пытаюсь отползти от меня как можно дальше. "Куда ж ты денешься с подводной лодки, да ещё на такой глубине?" — ухмыльнулся мой внутренний голос.

Заблокировав руль ломиком, поставил передачу на самую низкую, ткнул кляп в рот пленнику, зафиксировав его так, чтобы над бортом торчала только офицерская фуражка, подхватил в одну руку канистру с бензином, в другую взял штык-нож и выметнулся из бронетранспортёра через верх. Думал — из-за потери крови буду вести себя, как полудохлая вяленая рыба. Но адреналин привычно ударил по мозгам, ускорив восприятие и улучшив точность движений, из-за чего я почувствовал себя стремительной и злобной росомахой, попавшей в никем не охраняемый курятник.

Движения стали плавные и отточенные, канистра привычно потеряла вес, совершенно не мешая передвижению. Знаю, что сейчас организм жрёт себя с утроенной скоростью, но

не сделать пакость гадам просто не могу. Как говорится, “Надо, Вася, надо!”.

Пока мой “Ганомаг” тихонько ползёт по улице, а какой-то “оберст” (в званиях вермахта не разбираюсь, поэтому кратко обозвал командира “оберстом”) делает внушение камрадам-водителям и машины при этом стоят без присмотра, привычным движением пробиваю штык-ножом бензобак замыкающей машины, кидаю на него гранату, даже не дёргая запал, и, отвинтив пробку канистры, делаю бензиновую дорожку до следующей. Там история повторяется. И так — до самого начала колонны. Стук штык-ножа по металлу практически не слышен, поскольку рёв танковых двигателей, топот ног и гул голосов заглушают всё. Думаю, что даже на выстрел из пушки вряд ли кто обратит внимание. Поэтому за скрытность вообще не переживаю: камрады настолько заняты собой, что ничего вокруг не замечают.

Отбросив уже пустую канистру в сторону, чиркаю зажигалкой и, подпалив конец бензиновой дорожки, быстро рву когти в сторону уже несколько ушедшего вперёд “Ганомага”. Прыжок — и я снова за рулём. Переключение передач — и “Ганомаг” бодро рвёт с места, догоняя ушедшую вперёд колонну.

В это время огонёк, разгораясь, очень быстро распространяется от первого до последнего грузовика с бензином. Пара минут, за которые я успеваю пристроиться в хвост впереди идущей колонны — и пламя охватывает все машины. Обернувшись, вижу, как заматались фигурки цвета фельдграу на фоне весело полыхающего и всё сильнее разгорающегося пожара. Дотянувшись до пленника, выдёргиваю кляп у него изо рта, одновременно с этим ослабляя верёвки и рявкаю тому почти на ухо:

— А теперь ори во всё горло, гнида: “В сторону, прочь, сейчас всё взорвётся!” — Ну! — подтолкнул я слегка прифигившего фрица.

И тот как заорёт благим матом:

- “Angst! Zur Seite! Jetzt wird alles explodieren!”* (Тревога! В сторону! Сейчас всё взорвется!)

И тут же снова:

— Partisanen! Partisanen! Jetzt wird alles explodieren! Rette dich selbst, wer kann (Партизаны! Партизаны! Сейчас всё взорвётся! Спасайся, кто может!)

Честное слово — даже громче сирены. Да ещё и с выдумкой: партизан для чего-то сюда приплёл. Чуть не оглох от этого ора. Но раздумывать было некогда и, врубив повышенную, тут же рванул вперёд, обгоняя идущую впереди колонну. Едва успел доехать до середины, как сзади ахнуло так, что “Ганомаг” взбрыкнул, словно норовистая лошадь, и понёсся вперёд даже без участия двигателя.

Естественно, такое веселье просто необходимо было усугубить и, удерживая одной рукой руль, ухватил из ящика сразу три гранаты-колотушки. Зажав их ногами, второй рукой бодренько открутил колпачки и на несколько секунд бросив управление транспортным средством “на самотёк”, рванул фарфоровый бублик запала первой гранаты. Отправив её в длительный полёт по дуге в конец колонны, тут же рванул второй. Сделав со второй и третьей гранатой то же, что и с первой, снова вцепился в руль и прибавил газу.

Пленный орал так, что перекричал даже грохот раздавшихся сзади взрывов. Все машины перед нами сыпанули в разные стороны, пытаясь выйти из зоны поражения, из-за чего пришлось вцепиться в руль и начать резко маневрировать, дабы избежать столкновения.

Двигатель “Ганомага” ревет на повышенных оборотах, пленный офицер орёт, сзади взрывы, огонь. У меня вообще какой-то “сюр” в голове: от обилия впечатлений соображалка

начинает потихоньку “сползать в красную зону”.

Тут какой-то умник из колонны умудряется приткнуть тентованный грузовик у обочины и бравые “зольдаты” воспринимают сие действие как команду к выброске. Поэтому к сумасшедшей какофонии ора, взрывов и огня тут же добавляются автоматные очереди и винтовочные выстрелы: какой-то неопытный фриц начал палить в белый свет как в копеечку, подняв градус паники просто до небес. Буквально через несколько секунд свист пуль и росчерки трассеров расчертили темноту ночи во всех направлениях. Испугавшись не только за собственную жизнь, но и за здоровье пленного немца, я усадил его на дно кузова бронетранспортёра, жестом приказав заткнуться.

И тут началось такое, что впору было “ховаться” под веник и не отсвечивать. Стреляли все во всех. Пули так и свистели над головой. Несколько даже отрикошетили от борта “Ганомага”. Поэтому оставалось только одно: как можно быстрее уносить отсюда ноги. Что я с удовольствием и сделал, несясь на всех парах к выезду из населённого пункта.

Естественно, даже при полной панике и в полнейшем бардаке всегда найдётся хотя бы одна светлая голова, которая не поддастся общим тенденциям и сохранит здравый рассудок.

Так и здесь дорогу нам преградил контрольно-пропускной пункт, полный взвинченных и злобных фрицев. Эти даже пулемёт успели в сторону деревни развернуть. Но к этому я был готов: меж колен уже зажаты две гранаты с отвинченными колпачками, что тут же и полетели в сторону врага. Броски гранат из-за темноты никто заметить не успел. А когда бахнуло, сказал своё веское слово пулемёт с моего “Ганомага” — и уже некому стало меня останавливать. Так и вылетел из этой деревушки, как пробка из бутылки, оставив за спиной кучу битого железа, море огня, всё сильнее разгорающуюся перестрелку и с каждой минутой всё более увеличивающуюся гору трупов врага. Красота!

По-моему, только пленному фрицу вся эта вакханалия не понравилась: он с таким ужасом на меня посмотрел, когда я развернулся к нему, дабы проверить состояние “пациента”, что мне аж не по себе стало. Неужто я на маньяка похож?

— Что, камрад, — весело подмигнул я несчастному офицеру, — а ты боялся, что не выедем! Вишь, как твои друзья нам обрадовались? Можно сказать, рукоплескали от всей души, с огоньком... А правда фейерверк получился классный?

Бедняга от моей улыбки вообще скукожился и свернулся чуть ли не в позу зародыша, пытаясь уползти под лавку. Но связал я его хорошо — хрен выкрутится. От вида несчастного офицера чуть не зхаржал во весь голос, отчего его голова дёрнулась, словно от пощёчины.

— Ты, болезный, меня держись, — бодро протараторил я ему, — Тогда, может быть, и выживешь. Обещаю устроить на нашей стороне очень горячий приём. Ну, не настолько, конечно, горячий, как устроили ваши камрады, но то, что запомнится на всю жизнь — к гадалке не ходи!

В ответ раздалось натужное икание.

“Тьфу ты, блин, теперь даже и поговорить не с кем!” — пробурчал мой внутренний голос, всецело сосредоточившись на управлении транспортным средством.

Что поделаешь: впереди — длинный путь. И нам ещё ехать и ехать...

На линии фронта

С одной стороны, немца можно понять: ехать в одном бронетранспортёре вместе с какой-то сумасшедшей девицей, сеющей вокруг себя смерть и разрушения, просто физически страшно. Могут ведь и свои ненароком прибить. Да и будущее весьма туманно и

расплывчато, о чём недвусмысленно намекает граната, которую ненормальная русская пришпандорила прямо к спине. Как говорится, “дёрни за верёвочку” — тут к тебе в гости и зайвится Архангел Гавриил со-товарищи. И отправит в Ад к чертям собачьим.

Мне же переживания пленного немца — до лампочки! Спать хочу. А ещё есть. И не просто есть, а жрать. Зверски. Что неудивительно после такого количества энергетических затрат организма Ольги. Глаза слипаются — хоть спички в них ставь. Держусь, фактически, на одной силе воли. Адреналин схлынул давно, оставив в организме страшное опустошение. Самое интересное — немец от столь обильных переживаний сквасился раньше — и теперь свистит в две дырочки, лёжа прямо на полу бронетранспортёра. И ему совершенно не мешает как отсутствие подушки и перины, так и присутствие большого количества угловатых металлических конструкций.

А вот я сейчас прикорнул бы минуток так на шестьсот. Но нельзя. Потому и еду куда глаза глядят. Точнее — куда дорога ведёт. А дорога, как ни странно, забирает всё севернее.

Времени с памятного боя прошло не так, чтобы много — всего около часа. Но вымотался я полностью. Руки как кувалды — совершенно неподъёмные. Боюсь, меня сейчас живьём брать будут — даже сопротивления оказать не смогу. Настолько ослаб. Чтобы хоть как-то поддержать уровень сахара в крови, потихоньку схрумал весь запас галет. Но организм не насытился — всё ухнуло, как в прорву. Впечатление такое, будто и не ел вовсе. Со страхом думаю о том, сколько же восстанавливаться после таких потрясений придётся. Организм Ольги последние остатки себя самого уже доедает. Так что я на грани: ещё немного — и повторный билет на тот свет точно гарантирован.

Но что такое? Ухо уловило какие-то странно-знакомые звуки впереди по курсу. Неужто стреляют? Причём, слышна не только стрелковка, но и гулкие буханья орудий и вторящие им разрывы снарядов. А ещё видны сполохи осветительных ракет чуть не на полнеба. Свист мин тоже вплетается в общий фон, внося и свою убийственную лепту.

Ба, да это ж передовая. Причём, ещё даже не рассвело, а кому-то уже явно не спится. Интересно, кто это тут по ночам дурью мается? Неужто наши решили немчуре по сусалам надавать? Поддав газку, вылетел на пригорок и едва удержался от желания протереть глаза: всюду, сколько хватал взгляд, горело, рвалось, взрывалось всё, что могло гореть и взрываться. От количества трассеров даже оторопь взяла: казалось невыносимым даже попробовать прорваться сквозь настолько плотный ливень свинца.

Но пока я разевал варежку и хлопал глазами, боевой режим подспудно перехватил управление, заставив обратить внимание на левый фланг побоища, где, скрываясь за складками местности, некая группа бойцов пыталась незаметно обойти вражеские укрепления и просочиться вглубь немецкой обороны. И всё бы у них получилось, если бы не стоящая на пути рошица, в которой я с удивлением обнаружил залёгшую “группу захвата”. При мерцающем, неверном свете осветительных ракет их практически не было видно — маскировка оказалась отменная. И если бы в тот момент, когда посмотрел в ту сторону, один из вояк не пошевелился, образовав на снегу резко контрастирующую со снегом тень, ничего бы не заметил. А так глаза, получив информацию, вдруг одномоментно выделили подозрительные бугорки меж голых стволов деревьев, напоминающие очертаниями залёгших боевиков. И чуть дальше — в тылу залёгшего подразделения — обнаружилась хорошо замаскированная батарея миномётов.

Вот, блин. Ещё немного — и наши наткнутся на засаду. С пригорка хорошо видно, что по численности они сильно уступают затаившимся — раза примерно в два. Фрицы же их в

бараний рог скрутят. Ребята погибнут ни за грош.

Как только окончательно оформилась последняя мысль — включился полный боевой режим, напрочь выметая из головы всё лишнее и заставив организм работать с полной отдачей и чёткостью боевого автомата. Тут же проснулся дикий жор, в результате которого рука потянулась к нычке, в которой оказалось немного прихватизированного от фрицев шоколада — самое то сейчас. Только челюсти активно заработали, перемалывая заветную шоколадку. Похоже — частично даже вместе с обёрткой. Краем глаза отметил только на бумажке смутно знакомые слова, написанные по-немецки: “Mit Lorbeer und Pervitin*”.

*Первитин — стимулятор, наркотик. Однократное применение в боевой обстановке ещё можно как-то оправдать. Но даже однократное применение может вызвать проблемы с общим физическим здоровьем и психикой.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Метамфетамин>

<https://bigpicture.ru/?p=292615>

Всю усталость как ветром сдуло. И чего я раньше этот чудо-шоколад не слопал? Не медля ни секунды, воткнул передачу и дал по газам: торчать на этом пригорке, как прыщ на заднице, бесполезно. Те же миномётчики, заметив настырный “Ганомаг”, мигом отправят его содержимое (то бишь, нас) к праотцам. А расстояние такое, что попадать по фрицам замучаюсь: и себя выдам, и своим не помогу. Да и по врагу, скорее всего, промажу. Не поможет и боевой режим: тактический компьютер-то в голову мне пока никто не сподобился засунуть. И хотя обсчитываю поправки получше заправского суперкомпьютера, несовершенство техники и рассеивание ещё никто не отменял. Да и силёнок у Ольги всё меньше и меньше: удержать в руках быстро изрыгающий свинец агрегат тоже надо как-то суметь, пусть даже тот закреплён на турели.

А ленту перезарядить? Она ведь не пять грамм весит. Тоже металл, как-никак. В общем, подобраться с тыла к рошце поближе — сам Бог велел.

Сознание отметило ещё одну странность: на этом пригорке — фактически, господствующей высоте в этой местности, — не обнаружил ни одного фрица. Даже какого-нибудь заваливающего корректировщика. С одной стороны, понятно, что рельеф тут такой, что и не спрячешься. А с другой — всё равно непонятно. Ну да чёрт с ними! Нет тут немчуры — и ладно.

Подгадал я хорошо: в тот момент, когда фрицы, открыв ураганный огонь, заставили наших бойцов залечь и перейти в глухую оборону, мой “Ганомаг” как раз занял очень удачную позицию за спинами миномётной роты. И она в полном составе, успев сделать всего несколько выстрелов, отправилась с моей помощью к праотцам.

Тут уж даже полное косоглазие не могло помешать стрельбе по близко расположенным мишеням: выкосил я этот рассадник воющего железа, фактически, с одной ленты. Быстро перезарядив пулемёт, принялся уже за бравых “засадников”, тоже заставив их смертельно огорчиться.

Оказавшись меж двух огней, фрицы сильно забеспокоились и попытались рвануть вправо — в сторону защищаемых ими основных позиций. Но не преуспели в этом: с одной стороны уменьшением поголовья немчуры занялся я, с другой — наши, которые, поняв, что у них появилась очень весомая поддержка с тыла, резко ломанулись в атаку. Ох, как немцам сразу поплохело: влево-то не особо и рыпнешься — местность жутко заболоченная. И даже

крепкий мороз, сковавший льдом водную поверхность, совершенно не гарантировал того, что лёд выдержит вес человека с оружием в руках, да в полной амуниции. Причём, не одного. Топь — такое гнусное дело, что лучше в неё вообще не соваться. Целее будешь. Вот и немцы решили так же, пытаясь прорваться в другую сторону — к своим позициям. С тыла-то я им хорошенько так прикурить дал.

Несколько наших бойцов, добежав до меня, были очень удивлены увиденным: какая-то мутная девица поливает фрицев из пулемёта почём зря.

— Оп-па, баба, — воскликнул один из бравых вояк, удивлённо пялясь на открывшуюся картину: я, пулемёт, пленный офицер, “Ганомат” — именно в таком порядке (немчик от невероятного грохота успел проснуться и кое-как взгромоздиться на сиденье, выглянув наружу).

— А ты кого хотел увидеть? Архангела Гавриила? — вызверился я, — Если б хорошо немчуру бил — не пришлось бы этим самым, как ты говоришь, бабам за оружие браться.

И, не дав ему опомниться, добавил:

— Вызови лучше кого из начальства, чтобы пленного куда надо сопроводили. У него ценные сведения имеются. И дуй уже вон туда на фрицевскую миномётную батарею — осваивайте подарочки, да немчуру бейте. А то дождёшься вас — всё, блин, самой приходится делать. Тоже мне — бойцы, ети его...

Не ожидавший такой отповеди солдат даже слегка растерялся. Но быстро пришёл в себя:

— Как зовут тебя хоть, красавица?

— Ольгой кличут, — досадливо отмахнулся я, мысленно хохотнув от столь откровенной лести: чёрное и опухшее от синяков, мороза и грязи лицо Ольги вряд ли сейчас можно было назвать красивым.

Но прервался, углядев угрозу и быстро перечеркнув короткой очередью не в меру прыткого немца, пытавшегося остановить улепётывающих во все лопатки камрадов и организовать хоть какое-то подобие обороны на этом участке.

И тут же пришлось срочно пригнуться, стащив в нутро “Ганомата” не в меру любопытного офицера, так как несколько пуль щёлкнули по броне, визгливо отрикошетив куда-то в сторону. Немцы — вояки хорошие. Даже панике поддались далеко не все. Часть вполне успешно огрызалась, создав довольно плотную огневую завесу.

— Ты ещё здесь, Аника-воин? — раздосадовано сплюнул я, снова выглянув наружу и увидев так и торчащего у борта бронетранспортёра бойца, что-то втолковывавшего прибывшему подкреплению в виде троих товарищей. Под пули, впрочем, не лезли, грамотно расположившись под прикрытием бронированной машины.

Врезав по фрицам ещё одной очередью и уgomонив парочку особо рьяных, взглянул на подоспевшее воинство мутным взглядом (что-то соображалка стала куда-то в сторону уплывать — сил, вроде, стало больше, а с мозгами как-то похуже):

— Долго мне ещё прикрывать ваши задницы? Или, может, сами стрелять хотя бы в направлении врага начнёте? Смотри, по своим с переляку не лупани — с вас станется... Да фрица этого заберите. Мне он тут совсем без надобности — прибьют ещё ненароком. Кстати, оружие тоже берите. Оставьте только один пулемёт с боезапасом и немного гранат.

В ответ раздалось какое-то бурчание, которое не расслышал по причине вновь сыпанувшей горохом по броне россыпи пуль. Пришлось срочно заняться отстрелом особо вредных представителей вермахта, дабы им неповадно было даже головы поворачивать в

моём направлении, не говоря уж о стволах.

Сзади раздалось какое-то скрипение-сипение. Быстро обернувшись, с удовлетворением отметил, что бойцы правильно поняли стоящую перед ними задачу и, открыв двухстворчатую заднюю дверь "Ганомага", стали тащить фрица наружу. Заодно и оружием разжились. Не став им мешать, опять переключился на выполнение своей основной работы — поддержку пехоты. И, надо сказать, у меня вполне неплохо получалось.

Так увлёкся, что не заметил даже, что уже не один, — пока не тронули за плечо.

— Да, — резко откликнулся я, встав вполоборота к стоящему сзади и не выпуская поле боя из вида.

— Вы немного не вовремя, товарищ командир, — понизил я градус злости, увидев какого-то молодца в полушубке с двумя кубарями в петлицах и, одновременно с этим, выпустив по фрицам ещё пару коротких очередей, — Вы же видите, ещё не всё кончено. Фрицев тут — как грязи! Только успевай ленты менять.

— Лейтенант Сидоренко, — представился он.

И продолжил, крича мне почти прямо в ухо (от стоящего кругом грохота даже так я его едва слышал):

— Да я, собственно, за этим и пришёл, — привёл второго номера. Поможет ленты снаряжать.

— Красноармеец Петрухин, — раздалось откуда-то сбоку и снизу.

Мельком глянув вниз, увидел невысокого молоденького паренька, уже сноровисто набивающего опустевшую ленту патронами. Судя по двум вскрытым цинкам, у которых присел этот недоросль, теперь от недостатка боезапаса не помрём.

— И где только раздобыть успели? Вот, блин, вояки: как врага бить — и нет никого, а как патроны тырить — тут как тут, — пробурчал я, не отвлекаясь, впрочем, от пулемёта.

— Ты, братец, только работай быстрее, — подбодрил я паренька, — Недобитых фрицев дюже много, а швейная машинка (мотнул головой в сторону пулемёта) — жутко прожорлива.

— Думаю, споётесь, — удовлетворённо высказался лейтенант, — Скажите, Ольга, а что за стрельба на станции Парфино сегодня ночью была? Да и сейчас — зарево на полнеба?

Только сейчас с удивлением отметил, что станция разгорелась что надо. Даже отсюда видно, как полыхает. Когда уходил — огня было не столь много. Прикинув полено к носу, понял, что и отъехал не особо далеко — всего-то километров пять-семь. Ну, от силы десять. А я-то думал — километров двадцать отмахал. Похоже, мой топографический кретинизм "все извилины заплёл" так, что в голове всё перепуталось. Причём, даже не уверен в сторонах света: мог ведь вместо северо-востока махнуть и на северо-запад. Ночь же была. Ничего не видно. Блин. Вот засада...

— А, это я там пошумела чуток, — скривился я от досады.

Рассказывать о своих похождениях не было вообще никакого желания: кто ж поверит какой-то мутной девке, которая, по идее, может только коровам хвосты крутить, да перед мужиками задом вертеть? Треплом ещё, не дай Бог, посчитают — тогда и вовсе со свету сживут. Но пришлось раскрыть карты: в военное время разведданные очень нужны. И тут все мои хотелки уже не играют никакой роли — жизни бойцов много важнее.

— В Парфино прибыло несколько эшелонов с живой силой врага и танками. Я насчитала около двадцати машин. По живой силе — пара тысяч фрицев, а то и поболее. Точнее сказать не могу, поскольку с освещением не повезло, да и видела станцию только с

одной стороны. Кроме того, обнаружила десяток грузовиков с горючим. Теперь, как вы уже поняли, их нет — зарево пожара об этом лучше меня говорит.

— И ты что же, всё сама сделала? — удивился лейтенант.

— Нет, блин, Змея Горыныча трёхголового с собой притащила, — сплюнул я, дав очередную короткую очередь по ставшим проявлять подозрительную активность немцам.

— Вас, что ли, нужно было там дожидаться? — резко присев, потащил за собой вниз лейтенантика, дабы пережить очередную порцию свинца, застрекотавшую по обшивке, — Так, лейтенант, хватит разговоров. Надо срочно позицию менять — фрицы, вон, уж конкретно так пристелялись. Сейчас влупят из миномётов — и поминай как звали. Иди лучше, своими командуй. Причешите их там — я вам их миномётную батарею на блюдечке с голубой каёмочкой выложила. После поговорим, если живы останемся.

— Добро, — кивнул командир и быстро выкатился из “Ганомага”.

— Ну что, Петруха, захлопывай дверь в десантное отделение и держись крепче: сейчас потрясёт немного — позицию сменим, — подмигнул я молоденькому солдатику.

— Я Александр, — важно поправил меня второй номер, но створки при этом захлопнул.

— Хорошо, Петруха, учту! — даже и не подумав сменить прозвище, шустро запрыгнул на место водителя и дал газу. Стало вдруг так хорошо, что от удовольствия даже засмеялся, вызвав недоумённый взгляд невольного спутника.

В предвкушении потехи чуть не встав на дыбы (так в тот момент показалось), “Ганомаг” тут же рванул по пересечённой местности как заправский спринтер. Ещё когда занимал позицию в тылу “засадников”, заметил один интересный овражек, идущий вдоль траншей, занимаемых фрицами. В него сейчас и нырнул. Овражек оказался неглубок, но мне это и было нужно: над землёй теперь торчал только щиток пулемёта. Всё остальное оказалось внизу. Проехав немного вперёд и заняв новую, более выгодную, как мне показалось, позицию, снова встал к пулемёту. Двигатель глушить не стал.

— Ленту давай, — коротко отдал приказ пацану.

Заправить новую — минутное дело. Щёлкнул затвор и новая порция свинца устремилась в направлении пока ещё держащих оборону немцев.

В первую очередь старался выбивать офицеров и пулемётные точки. Создать шквал огня даже с имеющимся запасом патронов, к сожалению, было нереально. А потому стрелял короткими, скупыми очередями. Причесал немного фрицев — прыг за руль — отъеду по овражку метров на десять-двадцать, и снова за пулемёт.

Но всё когда-нибудь заканчивается. Даже до самых упёртых фрицев, наконец, дошло, кто играет главную скрипку в данном оркестре: в тылу я для них — как шило в пятой точке. По фронту же их позиции были ещё весьма сильны, отчего нашим пока не удавалось получить хоть какое-то преимущество. И по мне начали садить чуть не из всех имеющихся в наличии стволов. Пока спасала только быстрая смена позиции и то, что в ровике имелись более глубокие участки, позволявшие скрыть весь “Ганомаг” полностью.

Наконец, раздался так давно ожидаемый свист со стороны захваченной миномётной батареи и мины стали рваться в порядках врага, заставив его крепко призадуматься. А чтобы думалось быстрее, поддал жару из пулемёта и я.

Видимо, это оказалось последней каплей, заставившей немчуру удариться в окончательное бегство.

Ну ещё бы: спереди — русские, на левом фланге — русские, даже в тылу — русские. Особенно страшным выглядит зарево пожара со стороны станции, где, по идее, должны

находиться свои. Вот немчура и не выдержала, став активно откатываться назад. Ну, как назад? Сзади им мешал я со своим пулемётом. А потому пришлось уходить на юго-восток — немного правее Парфино.

Видимо, именно этого манёвра и дожидалось командование наступающих частей РККА (и это вспомнил): с криками “Ура!”, сопровождаемыми трёхэтажными матами-перематами и ураганным огнём из всех стволов, русская пехота ворвалась в отступающие порядки врага, окончательно сломив его сопротивление.

Чтобы не дать уйти успевшей выскользнуть из огненного мешка части гитлеровцев, умудрившихся вывернуться буквально в последний момент и рванувших к Парфино, пришлось срочно прыгать за руль и вести бронетранспортёр прямо по снежной целине на тот самый пригорок, с которого было всё прекрасно видно. Говоря по-военному — я стремился занять господствующую высоту.

Взяв подъём, лихо притормозил и, по-прежнему не глуша двигатель, снова бросился к пулемёту. Отсюда прекрасно просматривались спины улепётывающих во все лопатки немцев, которых с видимым удовольствием и причесал. Не так, чтобы их было много — всего-то с десятков-полтора. Но ни один, падла, не ушёл!

И только с довольным оскалом повернулся ко второму номеру, как голова тут же мотнулась обратно:

— Танки-и-и! — раздался звонкий женский крик, далеко разнёсшийся по округе.

Пять коробочек, чешущих на всех парах к месту схватки, — этот аргумент уже не про мою честь: бодаться с танковой бронёй банально нечем.

На фоне разгорающейся зари, освещаемые с правого боку, танки врага смотрелись весьма эпично. Жутко и завораживающе одновременно. За ними угадывались телемпающиеся следом несколько тентованных грузовиков. Дальше тоже что-то ползло, но разглядеть, что именно, не было никакой возможности: клубящаяся снежная пыль закрыла весь обзор.

Был, конечно, маленький шанс на то, что примут за своих. Но недавняя показательная расправа над бегущими камрадами не осталась танкистами незамеченной, о чём недвусмысленно заявил снаряд, выпущенный орудием головного танка и просвистевший чуть выше “Ганомага”.

“Ну да, на ходу — какая же точность? Хоть бы притормозил для начала!” — пробурчал мой внутренний голос.

В опровержение сего факта снаряд, выпущенный вторым танком, разорвался гораздо ближе, сбив меня с ног и обдав бронетранспортёр градом осколков. И в этот момент наступила тишина. Испуганно выглянув наружу, длинно и витиевато выругался: не нанеся вреда нам, снаряд, тем не менее, своими осколками умудрился вывести из строя двигатель, пробив картонную броню двигательного отсека.

— Десантируемся, — пихнул я проходящего в себя второго номера, — Ленты и гранаты не забудь!

А сам быстренько прихватизировал пулемёт, лежавший всё это время в десантном отсеке рядом с ящиком колотушек. Снимать со станины “машиненгевер” было уже бесполезно: на моё еврейское счастье осколки на нём живого места не оставили, даже щиток превратив в дуршлаг. Просто удивительно, что нас ни один осколок не зацепил.

В рекордные сроки мы с Петрухой выкатились из десантного отсека и, пригибаясь к земле, очень шустро почиполлинили в сторону наших позиций: у него — две коробки с

набитыми лентами, карабин и полный гранат вещмешок (и когда, засранец, успел?), у меня — пулемёт в руках, две ленты на шее, пистолет в кобуре, да пять колотушек за поясом (жутко неудобно, но жизнь дороже).

Едва успели скатиться с пригорка, как сзади что-то жажнуло, наполнив округу грохотом и дымом.

“Похоже, кому-то из танкистов удалось попасть в одиноко стоящую неподвижную мишень, что изображал наш бронетранспортёр,” — ехидно прокомментировал внутренний голос.

— Вместо того, чтобы бурчать, — пробормотал я, запалённо дыша, — лучше бы сказал, что с танками делать?

“А что с ними делать? — удивился голос, — Фрицы же не просто так здесь в обороне стояли. Сам же слышал артиллерийскую канонаду. Не может быть, чтобы у них на позициях не уцелела хотя бы одна завалящая пушчонка”.

“Ты вообще в своём уме? — перешёл и я на мысленную речь, пытаюсь унять чересчур сильно разошедшийся внутренний голос, — Я же ни разу не артиллерист. И пушку ни разу вживую не видел (тайная надежда на то, что память хоть немного поможет, пока не оправдалась). Как стрелять-то буду? Палить в белый свет, как в копеечку?”

“Чудак-человек, — возразил голос, — тут же расстояние — всего ничего. Считай, лупить по врагу придётся на прямой наводке: танк — на пригорок — а ты, даже если по стволу наведёшь — ему бронебойным в мягкое подбрюшье.”

“Чёрт, — мысленно почесал в репе я — а ведь может и получиться! Тем более, что когда прыгал туда-сюда на “Ганомаге”, видел недалеко позиции четырёхорудийной батареи. Правда, её быстро заткнули миномётным огнём. Но могло ведь что-то и уцелеть. Хотя пушка — совсем не винтовка. Тут какие-никакие знания нужны”.

И тут же крикнул второму номеру:

— Петруха, давай за мной, — и побежал в сторону подавленной вражеской батареи.

На этот раз паренёк возмущаться прозвищем не стал: молча развернулся и послушно ломанулся вслед за мной.

Как же хорошо, что из-за пригорка немчура нас пока не видит, а им нужно умудриться доползти до нас, не свалившись в кювет и преодолев довольно длинный участок очень непростого участка обледеневшей дороги. О, вон и наши бронебойщики с длинным хоботом противотанкового ружья в ту сторону почесали. Стопудово немчуру придержат немного. Вполне можем успеть подготовиться. Плохо, что их так мало и долго им не сдюжить. Но и то хлеб.

Однако, хреново то, что основные силы наших ушли вперёд, преследуя отступающего противника, и теперь имеют все шансы нарваться на прибывшее фрицевское подкрепление. А там — танки, что вполне могут раскатать всех в тонкий блин.

Хотя, нет — большая часть бойцов оттянулась назад, занимая траншеи, оставленные немчурой. То ли мой крик услышали, то ли приказ получили. Может, танки увидели? Поди знай. Мне сейчас как-то не до этого...

Лоб и броня

Наконец, после тяжёлого бега, мы со вторым номером, как два секача-тяжеловеса, ввалились на позицию немецкой батареи. Вся земля тут была перепахана минами и снарядами. На первый взгляд, ничего целого не осталось.

Но быстро проведя ревизию, выяснилось, что два орудия вполне себе могут стрелять. У одного только, перевернутого, оторвало колесо, а второму, крепко стоящему на станинах, слегка покорёжило щиток, на качество стрельбы влияния совершенно не оказывающий. Ящики со снарядами, укрытые в отдельно выкопанных ровиках, тоже наличествовали. Убрать только трупы фрицев, чтоб под ногами не мешались — и дело с концом. Глядя на враз позеленевшее лицо Петрухи, я уж, было, хотел заняться уборкой самостоятельно. Но вспомнил, что у самого силёнок — кот наплакал. Мне, как ни странно, вид окровавленных частей тел, бывших когда-то немецкими солдатами, принёс лишь спокойствие и некое душевное удовлетворение. Но из-за разной “весовой категории” задача по освобождению территории от ошмётков бравых гитлеровских артиллеристов досталась пусть и позеленевшему, но вполне себе живому и достаточно сильному Петрухе.

Что он и проделал под моим чутким руководством. Не — не барское дело руки в кровище и говнище марать. Это солдат понимать должОн. Хе!

А что там убирать? Остатки тел просто перекидали за бруствер, чтоб не мешали. Но пришлось и мне приложить к этому руки. Иначе Петруха сам ну никак бы всё сделать не успел.

Так-то он, по идее, должен быть посильнее Ольги. Но уж больно юно выглядит. Да и тощий какой-то. Не кормят их, что ли? Хотя, нет. Видимо, растёт — пацан же ещё. Сколько ему? От силы лет восемнадцать. А то и ещё меньше. Война, сволочь такая, сильно людей старит. Так что Петрухе вполне может даже шестнадцать оказаться: приписал на призывном пункте себе год-два — вот и воюет теперь. А я тут перед ним выделяюсь — весь из себя такой крутой, блин. “Выше меня только звёзды, а круче — только яйца”. И-эх. Да что же это со мной?

“Барыня-сударыня, ёрш твою медь”, - мысленно дал сам себе леща.

Что-то бравада из меня прёт, как из рога изобилия. Совсем безбашенный стал. Не иначе, озверина какого наркотического отведал, из-за чего энергия во мне прям бурлит и из ушей лезет, да на “хи-хи” периодически пробивает. Самому за себя страшно становится. А если крыша вообще улетит в заоблачные дали? Да я ж тут такого натворю... Если, конечно, выживу. Вон, Петруха — и то косится на меня как-то подозрительно. Да я и сам бы рад остановиться, только уже никак не получается. Мне теперь и море по колено. Хотя подспудное чувство страха, вроде, мозги пытается вернуть на место. Так что есть надежда на то, что не свихнусь и окончательно берсерком не стану: для них война как наркотик — без неё жить не могут. Мне тут ещё расстройства психики не хватало до кучи.

А что ж я такое съел или выпил? Эх, не до этого сейчас. Мозги уже заняты другой, гораздо более срочной задачей: нужно как можно быстрее подготовить позицию для встречи вражеской бронетехники. Вот и посмотрим, что крепче: мой лоб или немецкая броня?

После резвой уборки бросились разворачивать орудие с повреждённым щитком в сторону приближающихся танков. Благо, пушчонка была относительно лёгкой — чем-то напоминала нашу “сорокопятку”. Только пожиже.

“Рак 36,- проявилась долгожданная подсказка от уснувшей, было, памяти, — По прозвищу “колотушка” или “дверной молоток”. Орудие калибром 37 мм и бронепробитием 35–40 мм. Против “троек”, что идут сюда ускоренным маршем, орудие вполне сыграет: башня имеет 30 мм брони. В лоб корпуса лучше не бить — там 50–60 мм. Хрен пробьёшь. Значит, лучше всего (и надёжней) первым выстрелом бить по гусеницам, а когда танк развернёт боком — лупить от души: боковая броня хлипкая.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Pak_36

https://ru.wikipedia.org/wiki/PzKpfw_III

Если буду выцеливать погон башни или какой-нибудь драный лючок мехвода — спалюсь. Нет у меня опыта подобных стрельб. Расстояние здесь — всего ничего: триста метров даже не будет. Для танка — плёвое расстояние. Так что на повторный выстрел банально может не хватить времени. Точнее, его не дадут сделать сами фрицы, врезав по нам осколочным.

— Привет, славяне, — вдруг раздалось со спины, — решили вдвоём все танки переколошматить?

— Если подмогнёшь — будем втроём, — невозмутимо ответил я, мельком бросив взгляд на вновь прибывшего, не прекращая наводить порядок на позиции, — Там ещё одна целая пушчонка на боку валяется. Помоги лучше её поставить на ноги.

— Баба... Етить-колотить... — донеслось со спины.

— Слушай, кобель, — озлился я, оборачиваясь, — Либо помогай, либо вали нахрен. Времени нет с тобой лясы точить: сейчас сюда фрицевская броня пожалует. Или ты лично их всех шапками закидаешь?

Передо мной ошалело лупал глазами парень лет двадцати, в грязном, местами порванном, ватнике, в шапке-ушанке, с перекинутой на грудь “мосинкой” без примкнутого штыка. Слегка подкопчённое простоватое лицо деревенского парня сначала выражало смесь удивления и радости (видимо, от предвкушения встречи с девицей-красавицей), которое, стоило только увидеть мою чёрную и опухшую от синяков “морду лица”, буквально на глазах сменилось гримасой чуть ли не благоговейного ужаса. Ну да, Ольга сейчас совершенно красотой не блещет. Увы. И тут пока ничего не поделаешь: нужно время, чтобы синяки сошли и опухоль спала.

От случившегося вдруг стало смешно до чёртиков, из-за чего я хитро подмигнул бедняге, чуть не наложившему в штаны, и елейным голосом поинтересовался:

— Что, Бабу Ягу никогда не видел? Не дрейфь! Я сегодня добрая. Токма фрицами закусываю. Такие тощие, как ты, мне без надобности.

И, не дожидаясь ответа, снова развернулся к орудию.

— Э-э... — замялись сзади.

— Что тут происходит? — появилось на сцене новое действующее лицо.

— А, лейтенант, — определил я подошедшего по голосу и, по-прежнему продолжая обустривать позицию, продолжил: — Нужно быстро привести в чувство ещё одно орудие: перевернуть и поставить на снарядный ящик — колесо оторвано. Подготовить к бою и замаскировать. Также нужна пара бойцов на пулемёт — если мы с Петрухой будем выступать в качестве артиллеристов, из него стрелять по живой силе противника будет некому. А там фрицев за танками ещё едет “до чёрта”. Ну же, лейтенант, шевелись — время дорого!

Тот счёл за лучшее промолчать и стал бодро раздавать указания. Оказалось — на позицию артиллеристов вместе с лейтенантом прибыло больше половины отделения — семь человек, включая самого командира.

— Миномёты хоть нас поддержат? — вновь подал я голос.

— Не волнуйтесь, Ольга, второе отделение уже поменяло позицию и готово к открытию огня.

— Ладненко, — пробормотал я, наводя заключительный лоск на маскировку, попутно прокручивая мысль о том, что мне сильно повезло нарваться на вполне адекватного командира, который не стал качать права, быстро оценил обстановку и взял на себя именно те обязанности, которые в данной конкретной ситуации от него были наиболее востребованы.

"Далеко пойдёт. Грамотный командир!" — вставил свои "пять копеек" внутренний голос.

"Ага, — возразил ему я, — если не затрут более хитрые, да удачливые, имеющие "мохнатую лапу" в верхних эшелонах власти."

Впрочем, на этом внутренний диалог и закончился — банально не осталось времени.

Меж тем, brave бойцы под руководством лейтенанта очень быстро поставили перевёрнутое орудие "на ноги" и развернули его в направлении ожидаемой атаки немецких танков. Замаскировали же едва ли не быстрее.

Двое из них, подхватив мой трофейный "МГ", тут же умчались на левый фланг занимать позицию, двое временно стали артиллеристами "безногого" орудия, двое с "дегтярём" заняли позицию правее нас с Петрухой. Лейтенант занял позицию по центру ближе к расчёту "безногой" пушки — где обзор получше.

Он тоже сначала воспринял стрельбу из орудий в штыки — дескать, не обученные у него люди. Не артиллеристы ни разу.

Однако, на мою короткую отповедь о том, что по стволу и ребёнок сможет навести — не говоря уж о профессиональном бойце — отреагировал весьма сдержанно и в чём-то даже согласился. Ну, действительно: где мы сейчас артиллеристов искать будем? Разве они тут по тылам толпами бегают? Раз умудрились с миномётами разобраться — значит, и из орудий стрелять научатся. Это когда стреляешь с закрытых позиций, да на большое расстояние чёрт знает сколько всего учитывать нужно. А у нас-то — чистый детский сад: работаем на прямой наводке. Тут только одно правило: успеть прицелиться раньше фрица и вклепить ему бронебойную болванку куда надо.

Кстати, а как у нас с бронебойными? Заглянув в ящики для снарядов, слегка ошалел: разнообразие просто поражало.

<https://warspot.ru/6453-neprostayaya-sudba-kolotushki>

С первого взгляда и не разобрать — какие из них какие. Вот как, например, отличить бронебойный от осколочного? Но тут уж память моя вдруг активировалась, однозначно отделив одно от другого. Сомневаться в её подсказках даже и не пытался: сравнивать всё равно не с чем. Поэтому все "тупорылые" снаряды с жёлтыми поясками отнёс к осколочным, а остроконечные с чёрными поясками — к бронебойным.

http://копанина.рф/publ/1/3_7sm_snarjady_pak_3_7/10-1-0-534

Как оказалось, кроме бронебойных и осколочных присутствовали какие-то хитрые надкалиберные, напоминающие мины от миномёта — с такими же стабилизаторами. Причём, стрелять таким снарядом можно, лишь насадив на ствол снаружи. Бред какой-то. В общем, нам понадобятся только бронебойные для танков и осколочные для пехоты.

И только мы успели зарядить орудия бронебойными, как на холме появился первый танкер. Основательно-угловатый, кряжистый — внушал уважение одним только своим видом.

“Никак, “тройка”? — выдал, наконец, внутренний голос — А где разведчики-мотоциклисты? Так спешили, что забыли про свой любимый орднунг?”. И стыдливо примолк. Память, отчего-то, промолчала.

И как это понимать? Я же буквально несколько минут назад прикидывал бронепробитие и тактико-технические характеристики немецкой техники? Что за тупой игнор? Меня тут же посетило состояние когнитивного диссонанса: внутренний голос — сам по себе, память — себе на уме, а я тогда какого чёрта в голове Ольги делаю? Наблюдателем работаю? Не удивлюсь, если руками-ногами какой-нибудь Вася Пупкин управляет. Меня об этом даже не спрашивая и не извещая. Так, стоп! Опять наркота мозги пудрит? Да какой же гадости я наглотался на свою беду? Галеты... Галеты стандартные. Шоколадка? М-м-м... С первитинчиком? Твою ж через тудыть! Вот откуда наркота. Чёрт. У-у-у, идиота кусок. Что ж ты, зараза, в рот всё, что ни попадя тянешь? Вот балда!

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове, сбивая концентрацию и мешая адекватно реагировать на внешние раздражители. Поэтому на некоторое время я как-то слегка потерялся. Но верный второй номер тут же напомнил о том, что мы тут, как бы, врага бить должны, а не рот разевать:

— Ну же, стреляй!

От этого возгласа я как сумасшедший закрутил маховики наводки, совмещая прицельную прорезь с направлением на танк. Но не успел до конца свести всё воедино, как слева раздался выстрел второго орудия.

Снаряд прошелестел в направлении противника и воткнулся точнёхонько... в землю под гусеницей танка, отчего тот слегка подпрыгнул и, распутив гусянку, развернулся боком. Тут и я, наконец, добившись совмещения прицела с бортом панцера, сделал выстрел. На удивление, первый же снаряд, разворотив броню, врубился в двигатель, заставив танк окутаться чадным дымом (всё-таки, состояние под названием “боевой режим”, пока меня не подводило, обеспечивая необходимую точность попаданий).

Но не успели обрадоваться, как на гребень с двух сторон вылезли сразу две “тройки”. И через секунду к ним присоединились ещё две.

— Бронебойный! — рявкнул я, подгоняя слегка замешкавшегося второго номера, одновременно с этим бешено крутя маховиками. Договориться с соседями о распределении целей мы, к сожалению, не успели. Но, судя по всему, ребята и так прекрасно поняли, что два левых панцера — их. Соответственно, я изо всех сил пытался активно навестись на ближайшего правого в надежде на то, что крайний не успеет заметить откуда стреляли.

Наконец, клацнул затвор, сообщив о том, что очередной бронебойный снаряд уже в стволе.

— Бах! — послал я вперёд смертоносный подарочек.

Бамс, хрясь — гусянка долой.

— Снаряд!

— Готово.

— Бах!

— Готов, гад! — от радости у напарника даже дыхание сбилось.

— Снаряд!

— Готово.

— Угумс... — и мы с Петрухой поднимаемся с земли, куда бросил нас близкий разрыв снаряда, прилетевшего откуда-то слева.

— Чёрт! — ребята поспешили и чуть смазали, дав возможность вражеской бронекалоше ответить.

Да ещё и маскировку снесло нахрен. Тряхнув головой в надежде прочистить уши, вынужденно признал: лёгкую контузию, всё же, получил. В уши словно ваты набили. Но пока ещё слышу и голова соображает. Значит, воюем!

— Бах! — снова выдало наше орудие.

— Твою ж, налево!

Этот... нехороший гробокопатель именно в этот момент решил совершить резкий манёвр, провалившись в какую-то рытвину. И снаряд только бессильно выбил сноп искр из башни, с визгом уйдя в рикошет.

— Ещё броневой, — уже в свою очередь взвизгнул я, совершенно не ожидая такой подляны. И не удивительно, что от подобного напряжения голос Ольги взял и сорвался, чуть не перейдя в ультразвук.

Петруха побил все рекорды по перезарядке, едва ли не через мгновение лязгнув затвором.

— Бах...

— Да что же это такое? — с досады я со всей дури лупанул кулаком по бронешитку, чуть не отбив себе при этом руку.

Чёртов панцер в момент выстрела вывернулся из рытвины и резво вильнул вправо, из-за чего очередной снаряд ушёл “в молоко”, на этот раз даже краску на долбаной железяке не поцарапав.

— Он что, заговорённый? — ошалело выдохнул из-за моего плеча Петруха, тем не менее успев дослать в казённый новый броневой.

В этот момент башня столь резво убегающего от возмездия танка повернулась в нашем направлении.

— Бух, — глухо бухнуло орудие “тройки” и снаряд прошелестел у нас над головами, заставив лишь инстинктивно вжать голову в плечи.

На ходу, да ещё переваливаясь с кочки на кочку, попасть куда-либо — задача невероятной сложности, решаемая только при помощи полной стабилизации орудия в двух плоскостях и наличии баллистического вычислителя меж ушей.

— Ах ты ж, грёбанный пылесос! — я буквально расвирепел от постигших неудач с предыдущими выстрелами и, умудрившись лишь на мгновение поймать тушу “тройки” в прицел, дёрнул спуск.

— Бах! — и снаряд удивительно точно входит под погон, пробивая тонкую броню меж корпусом и башней. Однако танк по-прежнему чешет вперёд, окончательно повернув и шуруя прямо на нашу позицию.

“А если они сейчас вдарят по нам из курсового пулемёта?” — раненой птицей бьётся в истерике мысль.

Долгие пару секунд ничего не происходит. А затем внутри железного гроба что-то громко заскрежетало и танк встал как вкопанный. И тут же из всех щелей повалил чадный, чёрный дым. Но люки так и остались закрытыми. Видать, экипажу пришёл полный кирдык. Куда попал — кто его знает. Но если огонь разгорится — рванёт боекомплект. Грохоту будет... И словно в подтверждении моих мыслей как долбанёт — все люки мгновенно вышибло взрывной волной. Странно, что башню при этом не своротило — каким-то чудом удержалась на корпусе.

Сил хватило только переглянуться с Петрухой и дрожащими руками вытереть испарину со лба. Вот это дали джазу! Промедли мы ещё немного — и танк добрался бы до позиции, намотав нас на гусеницы.

Но тут же пришло осознание того, что рановато расслабились. Взгляд тут же зашарил по округе, выискивая новые цели, а Петруха метнулся за очередным снарядом. Однако, не успел даже понять где проявится новая опасность, как:

— Угумс — прилетела ответка откуда-то сверху.

Недолёт. Поднимаю глаза и охреневаю: ещё три панцера. “Тройка” и две “двойки”.

https://ru.wikipedia.org/wiki/PzKpfw_II

https://ru.wikipedia.org/wiki/PzKpfw_III

Откуда? Откуда, мать их? И ведь, зараза, самое страшное — даже не средняя “тройка”, а лёгкие “двойки” со своими долбаными двадцатимиллиметровыми автоматическими пушками со скорострельностью 280 выстрелов в минуту — память стала исправно выдавать так нужные мне сейчас ТТХ. И напоследок припечатала: у некоторых модификаций (с пушкой KwK 38) скорострельность составляет уже порядка 450 выстрелов в минуту.

Да это просто метла, которая в один миг выметет всех нас с занимаемых позиций. С “тройкой” ещё так-сяк: из орудия может попасть, а может и нет. У “двойки” таких проблем нет: повёл пушчонкой вправо-влево — и выкосил всё к чёртовой матери. Это против серьёзной брони её пушечка не пляшет. А у меня тут не броня — всего лишь дырявая картонка. Мама ты моя родная... Вот влипли, так влипли.

От осознания глубины той задницы, в которой мы все тут оказались, чуть не поплохело.

При скорости 15 км/час танк проходит 250 метров в минуту. До наших позиций даже триста метров не наберётся. Считай — максимум полторы минуты — и танки тупо передавят нас тут всех гусеницами. И это “тройки”. А у “двоек” скорость по шоссе — 40 км/час. Путь при самом хреновом раскладе скорость по пересечённой местности составит 20 км/час. Тогда за минуту танк пройдёт примерно 333 метра. Ну, по прямой, конечно, не маневрируя. Но мне-то от этого не легче!

Эти размышления промелькнули у меня в голове за какие-то мгновения и я сделал очень неутешительный вывод: жить нам осталось максимум ту самую минуту.

Конечно же, в противовес этому со страшной скоростью закрутились шестерёнки соображалки, пытающейся сделать хорошую мину при плохой игре и найти хоть какой-нибудь выход из положения. Но его не находилось. И я вынужден был, сжав челюсти до зубовного скрежета, тупо продолжать делать столь важную сейчас работу по выкорчёвыванию фрицевских панцеров. Ибо помочь нам было некому.

Петруха только защёлкнул затвор и я ещё подводил прицельную планку к корпусу очередной “коробочки”, как понял — всё, отбегался: одна из “двоек”, резко притормозив, навела на нашу позицию свою неубедительно-махонькую (по внешнему виду) и смертельно-опасную (по факту) пушчонку.

— В укрытие! — заорал я благим матом, в последний момент успев отпихнуть напарника в одну сторону, а сам прыгнув в другую.

— Тра-та-та-та — сыпанула дробь выстрелов многоголосыми гроздьями разрывов.

И тут же замолкла, перечёркнутая смачным шлепком бронебойной болванки откуда-то со стороны наших позиций. Это они вовремя! Даже на душе потеплело: как же хорошо, что мы не одни!

Ещё не веря в собственное счастье, поднимаю голову. Мать ты моя женщина... Щиток

орудия — в хлам, прицела нет, от колёс осталась только нижняя половина. Но само орудие, как ни странно, ещё может стрелять: затвор, ствол — всё на месте и не повреждено. Только краску слегка поцарапало. Да и в ствол уже загнан бронебойный.

На том месте, где мы находились с Петрухой, вся земля перепахана. Как нас не зацепило?.. А, нет, зацепило: Петруха что-то за ногу ухватился. Видать, осколок прилетел. Надо бы перевязать, но времени — ни секунды лишней.

— Петруха, — кричу, — сам справишься?

А со стороны второго номера только кряхтенье и многоэтажный мат. Жив, курилка!

Кидаюсь к орудию и, злобно оскалившись, активно кручу маховики наводки, сводясь на тот же панцер, что и раньше: железяка чешет прямо к нашим траншеям. Без прицела жутко неудобно — приходится наводить по стволу. В принципе, без щитка ещё терпимо. Почти то же самое, что стрелять из винтовки. Только калибр побольше. Наконец, вроде, поймал гадёныша и, чтобы не долбануло откатником, тут же убрался влево:

— Бах, — снаряд воткнулся в левую гусеницу, срывая её и разворачивая танк боком.

— Трах, — прилетел очередной подарочек со стороны наших позиций, врубившись точнёхонько в боеукладку.

От прогремевшего взрыва меня чуть с позиции не сдуло. Шандарахнуло так, что я света белого не взвидел. Последовавший за попаданием снаряда взрыв вскрыл корпус, как консервную банку, разворотив все внутренности, оторвав башню к едрене-фене и откинув её на десяток метров в сторону. Фонтан огня выплеснулся наружу и весело загудел, выжигая всё, что могло и даже принципиально не могло гореть. На короткое время я практически ослеп. И даже проморгавшись испытывал такую сильную резь, что глаза слезились. А вслед за этим, пока зрение приходило в норму, наблюдал постоянное мельтешение тёмных сполохов перед глазами, сильно мешавших нормальному обзору.

Вот это классный фейерверк устроили наши артиллеристы! Душа прямо-таки пела и плясала от радости. Я, похоже, даже заорал что-то в сторону всюю полыхавшего железа. Но тут же мысленно вдарил себе по загривку и откинулся назад, открывая затвор и отбрасывая ногой в сторону ещё дымящуюся гильзу, чтоб не мешала. Петруха-то ранен. Так что теперь всю работу придётся делать самому. Не став больше отвлекаться и тратить время на подбитого, тянусь за очередным снарядом и краем глаза замечаю какое-то странное шевеление в расположении второго орудия. Внимание цепляет что-то большое и угловатое, чего в том месте быть никак не должно. Резко оборачиваюсь, а там...

Финальная схватка

Японский городской! Да что же это деется?

Переваливаясь на остатках орудия второго расчёта и выбрасывая из-под гусениц комья мёрзлой земли с остатками того, что когда-то было на артиллерийской позиции, хищно поводя жалом тоненькой пушчонки и спаренного с ней пулемёта, в нашу сторону ползла гадская шустрая “двойка”. Стрелять пока не могла из-за крайне неровного ландшафта, благодаря которому танк пробуксовывал и переваливался с боку на бок, не имея возможности вести прицельную стрельбу. Из-за этого же скорость его значительно снизилась.

Пару мгновений ушло на осознание случившегося: я буквально застыл на месте, раскрыв рот и пытаюсь понять что делать? Наконец, где-то в глубинах моей совсем заржавевшей соображалки вспыхивает “лампочка Ильича”, намекая на то, что решение принято и пора

действовать.

Время растягивается тягучей, горько-сладкой патокой, щедрой рукой вливая в артерии слоновью дозу адреналина. Левая рука выхватывает колотушку, торчащую за поясом, вторая — быстро откручивает колпачок и...

Роняя его под ноги, прямо с места, делаю несколько длинных скачков навстречу новой угрозе. Мышцы от сумасшедшего напряжения чуть не рвутся, но послушно несут меня в “точку рандеву”, откуда без помех удастся добросить до железяки взрывоопасный подарочек. Успев увидеть подходящее укрытие, падаю рядом с ним на одно колено и, поудобнее перехватив рукоятку “колотушки”, дёргаю фарфоровый бублик. Мысленно прикидывая траекторию, на счёт “два” посылаю гранату по направлению так не вовремя появившегося панцера. Совершая обманный манёвр, резвым зайцем отпрыгиваю вглубь нашей позиции и тут же перекатом ухожу под защиту приглянувшегося мне укрытия, одновременно с этим выхватывая вторую “колотушку”. Несколько фонтанчиков грязного снега тут же взлетают в том месте, где я был секунду назад, доказывая, что излишняя бдительность на поле боя ещё никому не повредила. До слуха доносится отдалённый звук татаканья какого-то автоматического оружия. Не пулемёт точно. Его на слух уже отличить могу. Скорее, что-то похожее на МР-40. Уж больно сухо щёлкает. Невидимый стрелок, на моё счастье, повёлся на манёвр и закономерно промазал.

Но думать над этим недосуг. От сильного рывка фарфоровый бублик пулей отлетает куда-то за спину, и в сторону панцера летит ещё одна граната. А я, с вою очередь, снова меняю позицию, смещаясь ближе к танку.

В данном случае от колотушек толку не сильно много, так как пробить даже тонкую броню она вряд ли в состоянии. Но такая задача и не стоит: главное — повредить кожух пулемёта, а если повезёт — то и ствол двадцатимиллиметрового орудия. И есть надежда, что часть осколков достанется щели мехвода, хотя бы ослепив того на некоторое время.

Повезло частично. Но так, как и сам не ожидал: панцер успел выпустить всего одну короткую очередь из пулемёта. Ни в кого не попал, но один из взрывов, похоже, либо ранил, либо просто напугал мехвода своей неожиданностью, отчего танк вильнул и вдруг развернулся к нам боком, провалившись второй гусеницей в траншею. И тут же заглох.

Башня провернулась ещё на несколько градусов, завершая начатое в начале манёвра движение, и бессильно уставилась стволом двадцатимиллиметровки прямо в небо. Пулемёт также затих: в воздухе для него противников не наблюдалось.

На пару мгновений всё застыло в шатком равновесии. И тут изнутри танка раздались какие-то звуки вроде удара металла о металл. Двигатель чихнул раз, другой, третий — и взревел дурным, визгливым голосом.

— Твою ж мать! — вдруг очнулся я, понимая, что если сейчас эта махина стронется с места — нам всем капут.

Глянув вокруг и, не найдя ничего подходящего, бросился к панцеру, на ходу доставая сразу две гранаты. Тут танк дёрнулся и, выворачивая гусеницами землю вперемешку со снегом, стал потихоньку вылазить из западни. Я едва успел всунуть “колотушки” между траком и катком, и прыгнуть на другую сторону, защищая себя от разлёта осколков. Сильный грохот и распустившаяся гусянка популярно объяснили, что диверсия удалась.

Осталось только... ой!

Пока разбирался с танком, до наших позиций добрались фрицы, напротив одного из которых я и оказался. Только он — с винтовкой, которую пытался направить на меня, а я —

с пустыми руками. Пистолет в кобуре, нож и последняя граната за поясом. И расстояние — метра четыре. Захочешь — не успеешь: пока до него добегу — уж разок-то по мне выстрелить точно успеет. Даже если выхватить гранату — пока колпачок отвинтишь, пока бублик дёрнешь. Ещё и задержка перед взрывом. Да меня этот камрад за столько времени уже раза четыре убьёт.

А тут ещё сзади на башне перекошенной двойки откинулся люк и из него полезли пострадавшие от схватки со мной-любимым танкисты. Небось, тоже не безоружные. Только я даже развернуться не могу: возле камрада с винтовкой ещё два таких же фрица нарисовались — хрен сотрёшь.

Сердце пропустило удар. Похоже, писец котёнку — отбегался.

— Ложись! — вдруг донеслось сзади и я, не мудрствуя лукаво, тут же плюхнулся на землю, одновременно с этим смещаясь в сторону и переворачиваясь на спину.

В тот же миг заговорили сразу два автомата, кромсая в мелкое крошево камрадов, оказавшихся у меня за спиной. Я же в это время, изображая из себя гусеницу, пытался изъять пистолет из кобуры, быстро перекатываясь вправо-влево и пытаюсь не подставиться под выстрел злобного танкиста, что пулял по мне из своего пистоля и жутко нервничал из-за того, что никак не мог попасть.

Наконец, каким-то чудом удалось вырвать ствол из кобуры и, практически не целясь, высадить в зловредца целых три патрона, один из которых угодил болезному прямо в лоб. И дело тут вовсе не в “сбившемся прицеле”, а в крайне неудобной позиции, из которой стрелял, и в конкретно уже так дрожащих руках: невозможно столько времени идти только на одном адреналине, постоянно блокируя боль в раненом боку и руке.

Вообще, после того количества насилия и побоев, что выпали на долю Ольги от эсэсовцев, можно было уже несколько раз “ласты склеить”. Держусь только на адреналине, да и тот уже, по идее, давно должен был закончиться. Ах, да, “первитинчик” же ещё, эти его, слегка помогает. Хотелось бы знать цену последствий, но, боюсь, сейчас не до этого. До этих последствий ещё дожить надобно.

— Козёл! — плюнул я в сторону ухайдоханного мной бравого немецкого танкиста, пытаюсь встать на ноги.

И только принял позу “зю”, обернувшись к ребятам, чтобы поблагодарить за помощь, как рядом со мной шлёпнулась “колотушка”.

— А-а-и-и-э-у-у! — завопил я, как заправский спринтер стартуя в сторону танка. Даже на ноги не успел встать. Так, на “четырёх костях”, кверху задом и почесал.

Ещё успел увидеть (даже сам не понял каким образом) высунувшуюся из другого люка харю второго танкиста вермахта, как сзади раздалось неприятное “Бах”, сопровождаемое звоном осколков по броне. Благо, скорость оказалась несколько выше ожидаемой и я в головокружительном прыжке — точнее, лягушачьем скачке (иначе, как танцем пьяной лягушки устроенный мной кордебалет сложно было назвать) — успел сигануть за борт “двойки”, укрыв таким образом свою пятую точку от неприятностей. Самое интересное — даже пистолет не потерял: так из руки и не выпустил.

Блин, да когда же эти гады кончатся? Бросил взгляд вправо — там лейтенант активно добывает диск ППШ по невидимым с моей стороны немцам. Рядом с ним ещё кто-то с неизменной “мосинкой” сокращает поголовье немчуры. Третьего не видно. Ведь было два автомата. Погиб? Вот ведь, засада. А что с другой стороны? Петрухи не видать. Либс заныкался куда, либо чухнул в медсанбат. Всё поле перед позициями усеяно дохлой

немчурой и дымящимися танками, коих насчитал шесть штук. До наших коробочки не добрались всего ничего — и теперь чадили, застилая свет восходящего солнца чёрными клубами дыма.

У меня из оружия — пистолет, нож, да последняя “колотушка”. Как говорится, особо не повоюешь. Нужно что-то посерьёзнее типа пулемёта, которого, кстати, что-то давно уж не слышно. На бывшей моей позиции так и стоит орудие, готовое к бою, но целых танков пока не видно. Зато появилась очередная волна немчуры. Судя по тому, что не лезут на рожон, а грамотно перебегают от укрытия к укрытию — бывалые вояки. С такими тяжко будет бодаться. Сейчас бы причесать их из пулемёта, да тот, отчего-то, молчит. Либо из пулемётчиков никого в живых не осталось, либо выжидают, пока гансы поближе подойдут. Надо бы глянуть: а то, неровён час, без пулемётного прикрытия останемся. Кстати, и “дегтяря” на правом фланге давно не слышно. Ох, и не к добру это.

Быстро высунувшись из-за танка, тут же спрятался обратно: близко подобранных к нашим позициям немцев, вроде, не видно, но парочка пуль по броне щёлкнула: какая-то фрицевская падла, похоже, по-прежнему посматривала в мою сторону. Видать, понравилось моё шоу с позорным бегством от гранаты на четвереньках. Ржали, небось, сволочи, до икоты. Ну да, цирк-то бесплатный: знай, гранат подбрасывай, да смотри вволю, как кто-то от взрывоопасных подарочков бежит.

Если менять позицию, то обязательно с другой стороны танка и рывком. А вдруг и фриц тоже так думает? Ладно, некогда рефлексировать. Наши активно огрызаются и, видимо, что-то готовят: вон, как-то подозрительно зашевелились. Тем более нужен пулемёт: если наши пойдут в атаку — нужно будет огоньком их поддержать.

— Лейтенант! — заорал я, перекрывая треск автоматных очередей.

— Что? — донеслось с его стороны.

— Чего там пулемёт молчит? Тебе к нему ближе.

— Ребят всех побило. Нас тут двое осталось.

— Чёрт. И я тут одна, похоже. Никого больше не вижу.

Я призадумался. Можно, конечно, метнуться к пулемёту. Но бежать довольно далеко. А можно вернуться на позицию пушчонки и приласкать немчуру осколочными. От оружейной позиции до ребят с “дегтярём” — всего ничего. Можно и к ним наведаться.

Стоп! Тут же танк. А в танке — пулемёт. Только как до него добраться? Прикинув полено к носу, понял, что хрен его достану, пока нахожусь под обстрелом: в верхнем люке застрял убиенный мной командир танка, а в люке мехвода торчит труп побитого осколками гранаты второго танкиста. Третий так и остался внутри. И совершенно неизвестно — жив или нет. Если жив — может нам какую-нибудь бяку устроить. Но пока танк перекошен и башня смотрит в небо — вроде, не особо опасен. Даже если башню развернёт, никуда не сможет попасть. Очень удачно танчик завалился: даже при желании целей для стрельбы ему не найти. А если начнёт башню разворачивать, рискует привлечь внимание и к своей персоне. Он-то не знает, что защитников осталось только трое. Скорее всего, поостережётся. Будет сидеть тихо, как мышь под веником. Своих ждать.

Ясно одно — о пулемёте двойки пока придётся забыть: я внутрь банально не смогу попасть — подстрелят.

Значит, надо идти к орудию.

— Лейтенант! — снова заорал я.

— Чего тебе? — снова отозвались с той стороны.

— Попробуйте добраться до пулемёта. А я пока фрицев осколочными приласкаю.

— Добро.

Глубокий вдох, выдох, вдох — и на выдохе я рванул. Ползти по простреливаемым со всех сторон позициям нечего было даже и думать. Зато в месте расположения пушчонки есть высокий бруствер, за которым можно укрыться. Плюс, близлежащая местность сильно изрезана ходами сообщения и разнообразных укрытий там предостаточно.

На позицию пушчонки влетел кувырком, обо что-то запнувшись. Отчего чуть не дюнулся головой в металлическую станину. Но повезло, едри его. Раздавшаяся со стороны противника стрельба, сопровождавшая мой спринтерский забег, ничем мне не навредила.

Даже не успев перевести дыхание, подтянул поближе ящик с осколочными и втокнул первый снаряд в казённик.

Так, ну кто там жаждет отведать свинцового угощения? Или из чего там снаряды делают? Ага — вот и первая группа желающих. Думали, что под прикрытием подбитой тройки сможете подобраться к позициям на бросок гранаты? А вот вам — получайте!

“Бах” — и группа из трёх фрицев, засевшая за корпусом подбитой тройки, в полном составе отправилась в мир иной. Они-то думали, что орудие выведено из строя и с моей стороны подлянки не ожидали. А я — вот он.

О, а вот ещё желающие: двое фрицев стали активно шевелить булками, пытаясь сменить ставшую вдруг такой неудобной из-за моего появления позицию.

И тут наши пошли в атаку. Я тут же перенёс огонь на задние ряды фрицев, чтобы те свалить не успели. Да и своих зацепить уж точно не получится.

“Бах”. “Бах”. “Бах”.

Войдя в раж, наводил и стрелял, наводил и стрелял. Пока вдруг не понял, что немцы кончились. Параллельно этому слух фиксировал татаканье пулемёта на левом фланге. Стало быть, лейтенант всё-таки добрался туда.

А что же наши с "дегтярём"? Быстро выглянув наружу, тут же спрятался обратно: вместо позиции бойцов — дымящаяся воронка. И Петрухи вообще нигде не видать. Добрался до медсанбата? Погиб? Чёрт его знает. Вот и повоевали, блин.

Наконец, наши вскарабкались на гребень и их громогласное “Ура” пролилось целебным бальзамом на мою душу. И только я выпрямился, чтобы оценить результаты своих трудов, как... Взрёвывая перегруженным мотором, переваливаясь на ухабах и натужно сипя, со стороны наших позиций выползла "тройка", тут же направившаяся в мою сторону.

“Недобиток!” — от ощущения надвигающейся беды аж в голове зазвенело.

Скорее всего, передавил пушкарей на наших позициях и теперь прёт на меня, желая поквитаться за своих камрадов.

А тут позиция просто аховая: повернуть орудие не могу, бо силёнок на такую дуру в одиночку точно не хватит. Но в крайнем правом положении ствола кое-как могу гада зацепить. Главное, чтобы он окончательно не успел выйти из сектора обстрела. Немчура, похоже, это не хуже меня понимает и изо всех сил стремится обойти позицию как можно правее. При этом палит в белый свет, как в копеечку. Ну да, на полном ходу, да неровной местности эффект скорее психологический, чем реальный: все снаряды пролетают мимо. Боясь не успеть, немчура идёт “змейкой”, пытаясь сбить мне прицел.

А в моей калечной пушчонке, как назло, в стволе осколочный. Изо всех своих невеликих сил кручу маховики наводки и, в момент смены немцами направления движения, успеваю дать выстрел по гусянке.

Танк, словно наткнувшись на препятствие, резко разворачивается и встаёт, как вкопанный, при этом не переставая доворачивать ствол в моём направлении.

Пижаю в ствол бронебойный. Танк — вот он. Только чуть подкрутить маховики...

Чёрт! Проклятый панцер почти успел выйти из сектора обстрела: на линии прицела торчит только край башни. Чуть опустив ствол, понимаю, что можно попытаться влечь ему под погон, дабы заклинить башню и не дать по мне выстрелить.

Навожусь и, уже дёргая спуск, понимаю — не успел.

Тёмный зрачок затаившейся смерти смотрит, кажется, прямо в душу. На конце башенного орудия вспухает огненный цветок и оглушающе-яркое пламя ревушим потоком смахивает меня с позиции. Точно также, как ураганный ветер сносит невесомую пушинку.

“Чёртов танкист! Достал, всё-таки...” — выкнуло напоследок подсознание перед тем, как отправиться в страну розовых слоников: по ушам долбануло взрывной волной и в голове словно выключили рубильник — мгновенно наступила благословенная темнота...

Медсанбат. Часть 1

Странности начались при пробуждении почти сразу: едва продрал глаза, уткнулся взглядом в белёный, но уже давненько не обновляемый свежей известью потолок. Повернув голову набок, увидел занавеску, огораживающую закуток, в котором и находился. С другой стороны — бревенчатая стена, обшитая досками.

Это что за русское народное творчество? Изба — не изба, баня — не баня. Может, склад пиломатериалов какой? Склады, вроде, широкие и длинные. А судя по тому, что в моём закутке довольно светло, но никаких ламп дневного света поблизости не наблюдается, в помещении обязательно должны присутствовать окна. Свет уж очень на дневной похож. Вопрос даже не в том, где я (это, конечно, тоже, но попозже), а в том, почему меня занавеской оградили?

Я на каком-то привилегированном положении? Хм... А что вообще было до того, как здесь оказался? Судя по ощущениям, меня долго и упорно колотили. Причём, судя по всему, не только снаружи, но и изнутри. Низ живота болит просто зверски. Не менее сильно болит и дёргает левый бок и правая рука. Да в голове такое впечатление, будто огромные валуны с места на место перекатываются. Двоения в глазах, вроде, не наблюдается, но трещит моя головушка садовая преизрядно. Во рту, как водится, пустыня Сахара. И в помещении запах какой-то странный. Несёт давней, застоявшейся кровью, гноем, потом и... карболкой? Больница?

Ах, да. Меня же снарядом, выпущенным из танка, приложило. Стоп! А я вообще целый? Руки, ноги, голова, печень, селезёнка? Хм, руки-ноги, вроде, шевелятся. На конечностях в сумме двадцать пальцев, голова на месте. Уши присутствуют, глаза тоже. Недостачи зубов не ощущается. Новых дырок в организме, вроде, не наделали. Только контузило, что ли?

Укрыт, похоже, какой-то простынёй. А, нет, это одеяло такое тонкое. Стащил его с себя и непонимающим взглядом уткнулся в две здоровенные выпуклости, на которых иссиня-чёрные синяки уже понемногу стали сменяться желтизной. Блин! И эти две главные подружки любой женщины никуда не делись. А я уж понадеялся, что всё произошедшее — просто невероятно затянувшийся страшный сон.

“Гематомы потихоньку рассасываются, — отстранённо отметило сознание, — а чего я голый?”

Ну да, из одежды — лишь повязки вокруг торса и правого предплечья, да сползшее чуть ниже пояса одеяло. Руки что-то слушаются плохо: чувствительность какая-то дубовая и реакция крайне замедленная. Не сразу по одеялу и попал. А стянув, теперь не знаю — удастся ли натянуть обратно?

— Хоть бы ночнушку какую дали, — недовольно пробурчал внутренний голос.

Это я что, вслух сказал? Неожиданно-скрипучий, хриплый полушёпот резанул по ушам и стал тому подтверждением.

А язык-то заплетается — просто ужас. Губы как деревянные. Выговорить слово — целая проблема. Будто пил, не просыхая, целую неделю, после чего говорить почти разучился.

— Сестра! — вдруг раздалось совсем рядом, — Тут ваша ранетая очнулась.

Вот так вот: не раненая, а “ранетая”. Деревенский говор? Голос — не чета моему каркающему — чёткий, да звонкий. Парню, видимо, лет двадцать, не больше. Так и захотелось в ответ гаркнуть: “А кто это там такой молодой, да ранний?”. Но было не до того: от его слов голову прострелило такой дикой болью, что из груди вырвался непроизвольный стон и на глаза навернулись невесть откуда взявшиеся слёзы.

Причём, парень, вроде, не сильно громко и сказал. А эффект — как от гранаты, рванувшей возле уха. Да и слёзы эти: лишней воды в организме не наблюдается, пить хочется просто невероятно. Откуда жидкость-то?

С трудом пережив вспышку боли и кое-как сообразив, что ко мне сейчас нагрянут гости, постарался быстро привести себя в порядок: снова (хоть и с трудом) натянул одеяло чуть не до подбородка. Ибо негоже встречать красавицу-санитарку в столь непотребном виде.

Почему красавицу? Так её приближение к моему закутку сопровождалось очень бурной реакцией мужского контингента, размещавшегося, судя по всему, в оставшейся части помещения: со всех сторон раздавались бодрые приветственные возгласы и шутки-прибаутки. А такого не бывает, если представительницей слабого пола является крокодил. Либо внешне, либо внутренне. Ибо красивых стерв не любят точно также, как и страшеньких монахинь. К сожалению, поговорка “встречают по одежке, а провожают по уму” далеко не всегда работает. На внешний вид внимание обращают в первую очередь. И если не повезло уродиться красивой — мало кто из мужиков на такое “счастье” позарится, пусть даже та девушка будет “семи пядей во лбу”.

Наконец, занавески всколыхнулись и в мой закуток вихрем влетела молоденькая девчушка-хохотушка, по совместительству являющаяся санитаркой. Вся такая светлая, воздушная (в смысле, лёгкая, а не полная, как многие могли подумать), с неизменной улыбкой на устах. Этаким живчик невысокого росточка, не любить который просто немислимо: яркий кусочек солнышка среди серой и мрачной обыденности. Глядя на неё, губы поневоле сами начинают растягиваться в улыбке. Ну просто физически невозможно рядом с такой девушкой быть хмурым и больным. Однако, красивой я бы её не назвал: рыжая, с веснушками на лице, да носиком-кнопочкой. Симпатичной — это да. И ещё — солнечной. Но до того своей, родной, что захотелось вот так, просто, обнять её и затискать до умопомрачения. Эх, огонёк...

— О, я смотрю, вы уже очнулись! — жизнерадостно пропищала эта пичуга, — Как самочувствие, как настроение?

— Пить, — коротко прохрипел я, не прекращая, впрочем, глупо улыбаться.

— Сейчас, сейчас, — засуетилась девчушка, тут же откуда-то достав полулитровую кружку с водой. Характерная форма ручки (половина сердечка*) дала очередной толчок

воспоминаниям, окончательно убедив меня в том, что я реально “вляпался” в Великую Отечественную. Ведь именно такие кружки производили в тридцатых-сороковых годах двадцатого века.

*Фляги, кружки: <https://flyagi.livejournal.com/56754.html>

Ну прям как в том бородатом анекдоте: “А на третий день Орлиный Глаз заметил, что у сарая нет одной стены”. Так и здесь: кучу немчуры и эсэсовцев на тот свет отправил, несколько танков подбил. И только теперь, как до жирафа, дошло: Великая Отечественная на дворе. Ну не идиот ли? Или последствия “первитинчика” дают о себе знать? Да ещё и контузия эта, будь она неладна! Думать — и то тяжко. Все эти мысли молнией... хотел сказать пролетели, но реально — еле проползли в моём воспалённом воображении. И были тут же выметены прочь одной единственной мыслью: “Пить!”.

Словно драгоценную вазу (спасибо девушке за это) осторожно приподняла мне голову и приложила край посуды к моим губам.

Хоть, по ощущениям, голову мог поднять и сам, но, ей-ей, было весьма приятно и я просто позволил этому случиться.

Выбулькав кружку, попросил ещё. Но на этот раз сделал уже всё сам, кое-как приняв сидячее положение и вцепившись в эмалированную посуду обеими руками. Иначе никак не получалось: координация — ни к чёрту, руки мелко трясутся, да и ощущаются словно чужие. Я так хотел пить, что даже свалившееся с плеч одеяло, оголившее торс, совершенно меня не смутило. Однако, похоже, смутило собеседницу, что, всплеснув руками, тут же прикрыла ладонями рот, попытавшись задавить рвущийся из груди крик.

Употребив и эту воду, протянул опустевшую тару девушке:

— Здрасьте-приехали! — медленно проговорил я, увидев прямо перед собой её большие, как блюдца, испуганные глаза.

Пришлось тщательно выговаривать каждое слово: язык по-прежнему еле шевелился, из-за чего речь звучала крайне невнятно. Да и организм на любую попытку управлять им реагировал очень вяло, нехотя, с большой задержкой.

— За воду — большое спасибо. А глаза чего такие большие? Привидение увидела?

Проследив за взглядом девчушки, понятливо хмыкнул и кое-как натянул одеяло на грудь.

— Что, тоже думаешь, что большие? — попытался я хитро подмигнуть егозе, но вышло, видимо, “не очень”, - Ох, и намаялась я с ними: как ни повернусь — везде мешают. Да ещё и не всякая одёжка налазит.

— Что, простите?.. Я сегодня только... Вчера вас другие принесли. Я даже не знала... — попыталась оправдаться моя собеседница, вмиг покраснев как варёный рак.

— Да ладно тебе, — махнул я рукой (на самом деле едва её на весу удержал), поддерживая имидж “крутого рубахи-парня”, - Нешто так плохо выгляжу?

А сам едва сдержался, чтобы не застонать от терзавшей голову боли. Да и с речью — просто катастрофа. Говор — как у заправского инсультника с частично парализованным лицом. Кошмар! Однако, при этом всё ещё пытаюсь выдать улыбку “на все сто”: зачем девочку ещё больше пугать?

— Тебя как зовут, красавица? — продолжил я разговор.

— Анята, — ответило это невинное голубоглазое чудо.

Господи, да что ж это делается? Санитарками уже дети работают. А тут кровь, кишки, запахи всякие неприятные. Да ещё и пациентки попадают — краше в гроб кладут.

— Анюта, — глубокомысленно пробормотал я, — Анютины глазки, стало быть. А что, голубоглазка, можно ли мне как-то одежду свою получить? Да и в сортир прогуляться бы не помешало.

— Так одёжа — вон, на спинке кровати висит. А что до ветру — так я сейчас утку поднесу. Рановато ещё вам вставать.

“Тут даже кровати есть?” — подивился я.

Даже не понял: панцирная сетка вообще не чувствовалась. Лежанка ощущалась скорее как твёрдая доска, прикрытая сверху мягким матрасом. И откуда кровати? Прямо не война кругом, а сплошной санаторий.

— Давай попробуем, — и призывно махнул рукой, отчего сам себя чуть не зашиб — насилию удалось удержать конечность, — Помоги-ка подняться.

Девушка заколебалась, было, но я оказался весьма настойчивым. Так что пришлось ей подхватить меня под руки, а мне немного напрячься, ибо координация движений (точнее — её почти полное отсутствие) удручала. Наконец, кое-как удалось встать на пол и выпрямиться.

— Ой, ё... — голова пошла кругом.

Враз ослабевшие ноги напрочь отказались держать тяжёлое тело и я тихонечко сполз на пол. Рот наполнился тягуче-горькой слюной и сильно замутило. Однако, рвать, похоже, было просто нечем и желчь удалось удержать в пустом желудке. Хотя воды я выпил почти целый литр, но, судя по отсутствию реакции организма, получившего серьёзную контузию, сделал вывод, что та даже до желудка не успела добраться — всосалась просто моментально.

Кое-как вернув вертикальное положение (чему весьма поспособствовала Анюта), тут же плюхнулся обратно на лежачее место и снова натянул одеяло до подбородка, после чего тыльной стороной ладони, едва не промахнувшись неестественно затяжелевшей, неподъёмной рукой, смахнул крупные капли холодного пота со лба.

Перед глазами плясали тёмные круги, а вестибулярный аппарат взбрыкнул, выдав очередную порцию “вертолётов”.

— Извини, Анютка, едва слышно пробормотал я, дыша, как загнанная лошадь, — Что-то я переоценила свои возможности. Давай быстрее сюда свою утку, а то, неровён час, большую лужу тут сделаю.

Санитарка, громко сглотнув (сама, видать, испугалась не меньше меня), тут же принесла требуемое. Кое-как справив нужду, дождался возвращения девушки после выноса содержимого, и спросил, уповая на правильность выбранной линии поведения:

— Слушай, а как я сюда попала? Что вообще произошло? Голова трещит — мочи нет. И кружится. Да и ноги не держат. Меня что, каким-то бревном по голове отоварили? Ничего не помню.

— Я же говорю: знаю только о том, что у вас сильная контузия и два ранения. Ну и ещё кое-что, о чём вслух не говорят.

— Хм-м... — нахмурился я.

О чём это таком она вслух говорить не хочет? О выжженной на животе звезде или о том, что пониже? Ладно, спрашивать не буду, а то, не дай Бог, ещё ответит. Не надо, чтоб слышали. Как говорится, многие знания — многие печали.

— В общем, понятно, что ничего не понятно, — пробурчал я, — А где мы хоть находимся?

— Дык, Сучки это. Медсанбат в здании школы организовали. Тут до передовой-то —

рукой подать — всего километров десять-пятнадцать будет. Правда, когда наши Парфино взяли, дальше ходко пошли. Может, уже дальше.

— А когда, когда Парфино взяли? — волнуясь, пролепетал я.

— Дык, два дни тому, — удивилась Анютка, — А что?

— А сколько я тут уже лежу?

— Третий день пошёл уж. Вот, как взяли Парфино, так вас сюда и принесли.

Ох, ничего ж себе: почитай, два дня в отключке провалялся. Неудивительно, что в момент пробуждения к воде присосался — не оторвёшь. Если честно, я и сейчас пить хочу. Пришлось снова попросить медсестру принести мне водички.

Ну я и водохлёб: Анютка, чтобы не бегать два раза, принесла целую флягу, а я её в один присест вылакал. Между прочим, три четверти литра, как-никак.

Лишь после этого почувствовал, что напился. И тут же обессиленно откинулся на подушку. Даже такое простое действие отняло почти все силы. Да ещё и мутить снова начало. Но на этот раз организм с тошнотой справился гораздо быстрее, не успев вызвать ни одного рвотного позыва. Отключка, видать, на пользу пошла: по сравнению с тем, как чувствуют себя люди с серьёзным сотрясением мозга, у меня вообще, можно сказать, ничего нет.

Слегка придя в себя, с интересом уставился на собеседницу и попытался-было дальше её расспросами “запытать”. Но не повезло: оказывается, день только начался и держать Анютку дольше никак бы не получилось — в медсанбате полно раненых, которым требовалась её помощь. Так что, улыбнувшись напоследок, девчушка пошла заниматься своими прямыми обязанностями, не забыв, впрочем, задёрнуть занавеску за собой.

На некоторое время я оказался предоставлен сам себе, чем и воспользовался, чтобы немного подумать. В принципе, думать-то особо было незачем. И даже больше того — нечем, так как в голове — сплошная болтушка.

Казалось бы, спешить никуда не нужно — знай, лежи, да выздоравливай. Но как же я ошибся в своих выводах...

Ни с того, ни с сего взбрыкнула память, раз за разом возвращая в ту самую — первую — злосчастную деревню, где что-то вернуло меня к жизни (или кто-то). А перед глазами прямо воочию возникла вереница людей, которых сожгли живьём. И каждый из них с укором смотрел на меня пустыми глазницами, как бы спрашивая: “Что же — так и простишь нашу смерть этим тварям в человеческом обличье? Небось, решил, что уже всё: не бабское, мол, дело — воевать? А сколько таких, как мы, на земле русской — знаешь? Забудешь? Простишь? Нешто сможешь?..”

От собственного бессилия хотелось просто волком выть и на стены лезть. Но ведь пока не встану на ноги — ничего не смогу сделать. И от осознания этого только ещё больше психовал и ярился, тихо поскуливая и скрежеща зубами, стараясь только, чтобы не услышали.

Вот в таком виде меня и застал доктор: мечущимся по кровати, в остервенении, до крови кусающим губы и со слезами на глазах.

— Что же ты, дочка, так мучаешься-то? Больно?

Разглядев сквозь мутную пелену на глазах такого старичка-боровичка с козлиной бородкой и очками-пенсне на носу, смог лишь кивнуть, не в силах произнести ни слова. И какая разница, что боль была скорее психологической, чем физической.

— Ничего, ничего, потерпи, милая, — присел на табурет рядом с кроватью мой новый

собеседник, — И рад бы помочь твоему горю, но с лекарствами сейчас — сама понимаешь: на раненых бойцов — и то не хватает. Операции — страшно сказать — без наркоза делаем: некоторые, вон, от болевого шока погибают. И всё — война проклятая, будь она неладна! Сколько горя уже принесла. И сколько ещё принесёт...

— Я... понимаю... И не прошу ничего! — наконец, кое-как удалось совладать с собственным горлом и протереть ладонями глаза — Доктор, скажите, это надолго?

— Надолго ли ты у нас? — вопросительно взглянул на меня собеседник, — Пока не знаю. Зависит от того, насколько быстро пойдёшь на поправку. Вообще, конечно, есть и ограничения: мы, как ты уже поняла, не тыловой госпиталь, а медсанбат. И потому, как фронт сдвинется, — мы за ним, стал быть, следом. Так что, скорее всего, тебя скоро в тыл отправим.

— А можно я здесь, с вами? — вдруг отчаянно вцепился я в доктора.

И от резкого движения заскрежетал зубами — в голове будто граната взорвалась, на короткое время выкинув сознание из реальности. Пришёл в себя в тот момент, когда ощутил на лбу влажную, прохладную тряпицу — доктор деловито протирал мне лицо.

— Я быстро поправлюсь — вот увидите! Только не надо меня в тыл отправлять, — простонал я, едва обретя способность говорить.

— Ух, какая боевая на мою голову выискалась, — усмехнулся доктор, — Не только от меня это зависит. Тобой, вон, уже и особист наш интересовался. Не ровён час, скоро сюда заявится. А у меня даже амбулаторная карта не готова: санитары, что принесли тебя, только и смогли сообщить, что зовут Ольгой. Что мне в документ-то вписывать?

— Так и пишите — Ольга! — поморщился я, мысленно проклиная не вовремя проявленную особистом бдительность. — А больше ничего не помню. Память отшибло.

— О, как... — от неожиданности доктор хлопнул себя ладонями по коленям, — А меня Пал Палычем кличут... Военврач я, дочка... Вот оно как, стал быть...

На некоторое время напряжённость буквально повисла в воздухе.

— Ты хоть помнишь, как контузию получила? — вновь попытался прояснить ситуацию военврач.

— Помню только взрыв — будто в лоб кувалдой зарядили... и тишина, — послушно выдал я на гора результат собственных измышлений, — Больше ничего. Даже фамилию свою назвать не могу — не помню.

— М-да... — закричал Пал Палыч от досады, — И что же с тобой прикажешь делать?

— Понятия не имею! — вяло улыбнулся я, — Это же вы доктор, а не я. Откуда мне знать, что в таких случаях делают?

— Ладно, отдыхай пока. Выздоровливай. Раз ничего не помнишь — какой с тебя спрос?

— Так сами ж сказали, что особист скоро пожалует.

— Ну, сказал. И ты ему скажи... что-нибудь. В общем, пойду я. Самочувствие у тебя, как посмотрю, неплохое. Для контуженных, я имею в виду. Процедуры для таких случаев у нас стандартные: покой и лежачий режим. Другие ранения не особо серьёзные: так, шкуру немного попортили. Заживление идёт хорошо. Меня ещё немного беспокоят твои внутренние органы. Но и там пока тоже всё идёт чередом. Так что не переживай: всё будет хорошо. Спи, да отъедайся. А через пару дней... ну, может и больше, — посмотрим.

<https://military.wikireading.ru/38583>

На удивление, день прошёл спокойно: никто меня так и не потревожил. Только Анютка забегала несколько раз: кормила помаленьку с ложечки, да утку подносила.

Ещё паренёк со звонким голосом пытался наладить общение. Однако, Анютка пресекла это в зародыше: дескать, ранбольшая с контузией — ей покой нужен. Так и отстал. А я сначала честно пытался “подслушать” разговоры рядом лежащих раненых. Но либо им и самим было не до общения, либо у меня со слухом стало совсем плохо. Да и вообще, я больше спал, чем бодрствовал: когда очень хреново, сон — лучшее лекарство.

А на второй день заявилися особисты. Как ни странно, сразу двое. Ещё более странно — не представились. Только звания обозначили — старший лейтенант и сержант. Второй — более молодой, да хлипкий — оказался “студентом”. То есть стажёром. Может, именно из-за этого все кругом казались ему потенциальными врагами и шпионами?

По-моему, он даже сам себя подозревал в шпионаже. Как увидел этого кадра — сразу понял, что такому самое место только в разведке Гондураса. Однозначно! Такой даже аборигена с острова Пасхи из племени мумбу-юмбу заподозрит в работе на разведку Албании.

Старший особист этого заморыша то и дело одёргивал, дабы тот со своим диким “энтрузазизьмом” сильно не зарывался. Не знаю, что этот “студент” насчёт меня навоображал, но за полчаса, проведённых вместе, он раз двадцать пытался обозвать меня врагом народа и раз пятьдесят выставить немецким шпионом-диверсантом, одновременно работающим на МИ-6. Одного не понял: им делать, что ли, было нечего, если стали допрашивать меня, фактически, при всех. Это ж не отдельный кабинет — лишь загородка. Слышимость просто отличная. Хотя, возможно, специально бесплатный цирк устроили. Я их мотивов совершенно не понял, а потому молчал себе в тряпочку и не выёживался. Если б ещё не этот молодой идиот...

В конце-концов, он так допёк старшего, что тот едва ли не с облегчением отправил обалдуя по каким-то “особо важным делам” к себе в отдел. Видимо, писать очередной сверхсекретный отчёт, который может сочинить только (и единственно) сам стажёр.

Охотно верю. Даже аплодирую стоя. Эх, какой талантище пропадает. С этого момента вообще уверился в том, что всё это — чистой воды постановочный спектакль. Только в идиоте был не очень уверен: так тонко сыграть — недюжинный лицедейский талант иметь надобно. Но слишком молод пацан. Неужто в тёмную его разыграли? А что, со старлея станется.

— В общем так, Ольга, — произнёс уставший старлей-особист с покрасневшими от недосыпа глазами, когда его подчинённый скрылся из глаз, — С одной стороны, претензий у нас к Вам, вроде, нет. С другой же — обязательно всё нужно проверить. Амнезией, конечно, можете пока прикрыться. Насчёт неё — верю. Вполне может быть. Но, скорее всего, не в полном объёме: я, например, прекрасно вижу — вы что-то не договариваете. И в то, что не помните абсолютно ничего — не поверю никогда. Ваши произвольные реакции это доказывают.

И говорит тихо так, что и вблизи еле слышно. Подтверждая таким образом версию о спектакле.

— Товарищ старший лейтенант, — по-прежнему мучаясь от головной боли, промямлил я, — Ну что вам может рассказать контуженная баба? Жалостливую историю о своих любовных похождениях? Правду говорю — не помню я ничего.

Возникла неловкая пауза, во время которой особист как-то по-особому посмотрел на меня. Помолчал. Отвернулся к стене. Помассировал виски и снова обратил на меня свой бесконечно-уставший взгляд.

— Ладно, Ольга. Не хочу вам лишний раз напоминать, но идёт война. В стране введено военное положение. То есть, неоказание помощи органам НКВД может быть расценено как саботаж, вредительство или даже предательство. Со всеми, как говорится, вытекающими последствиями. В частности, перед тем, как пойти на встречу с вами, я опросил свидетелей вашего здесь появления. И кое-что выяснил. Про звезду на вашем животе ничего не хотите мне сказать? А фамилия лейтенанта Сидоренко вам знакома? Или красноармейца Петрухина? Или сержанта Белобородько? А может, с лейтенантом Лепке знакомы?

И хитро-хитро так прищурился, глядя мне прямо в глаза.

— Знаете, — говорю, — Все фамилии, кроме Белобородько, явно где-то слышала. Но вспомнить — где и при каких обстоятельствах — увы, пока не получается.

Изо всех сил делаю вид, что правда из меня так и прёт во все стороны. И говорить стараюсь как можно более твёрдо, искренне. Самого корёжит, но виду не подаю и взгляд не опускаю. Может, и мог бы рассказать особисту всё, как на духу. Да только мои ответы вызовут целый ворох новых вопросов. И тут уже как повезёт. Ведь таким образом можно и до расстрельной стенки договориться. А проверять — ох, как не хочется. Поэтому упорно стою на своём — не помню, дескать, и всё тут.

В общем, расстались оба недовольные друг другом. Особист прямо сказал, что через несколько дней снова зайдёт. Так что вспомнить что к чему — в моих собственных интересах.

А я впал в состояние чёрной депрессии. В самом деле: что бы я сейчас не предпринял — однозначно вызовет интерес особистов. Расскажу правду — плохо. Совру — ещё хуже: начну путаться в показаниях — ещё больше сам себе нагажу. Частично вспомню — тоже опасно: могут посчитать, что вожу их за нос. Только полная имитация амнезии может дать мне хотя бы слабую тень защиты. Но и то лишь условно: больно уж наследила Ольга. А девчонка, умеющая воевать так, как не у всякого профессионального вояки получается — нонсенс. И значит — потенциально опасно, если не сказать хуже. В общем, куда ни кинь — всюду клин.

Медсанбат. Часть 2

Так и прошла почти целая неделя в тяжёлых раздумьях, перемежаемых кошмарными снами, во время которых ко мне приходили сгоревшие мертвецы. Укоряли. Просили. Обвиняли. Звали...

Смерти я не боялся — один раз уже умер. Пыток не боялся тоже — прошёл и через это. Память Ольги каждый раз преподносила пережитое в красочных подробностях — так, словно я сам это прочувствовал на собственной шкуре. Да не по одному разу. Больше, чем было, мне вряд ли смогут сделать. Да и не думаю, чтобы органы пытали кого-либо. Ну, съездить по морде пару раз, если клиент “не колется” — ещё понятно. Хоть и не одобряю таких методов, но “на войне, как на войне”. Если от какой-нибудь вражины нужно срочно получить ценные сведения — “экспресс-потрошение” вполне применимо. Тут, как говорится, “не до сантиментов”: если от этих сведений зависит жизнь наших людей, я и сам бы не постеснялся надавить пожёстче. Не думаю, что ко мне применят такую степень допроса: для этого необходимо иметь стопроцентную уверенность в том, что Ольга — вражеский агент. Максимум — будут давить психологически. Плохо то, что пока не пройду “энкаведешный фильтр”, ни о какой дальнейшей борьбе с фашистской нечистью речи идти не может.

бедной девочки чуть инфаркт не случился: ну да, выжженная на животе звезда мало кого может оставить равнодушным. Едва девчушку успокоил. Мне-то что — Ольга (и я вместе с ней) уже пережили всё это. Да не по одному разу (память, зараза, любит надо мной поиздеваться). А вот для Анюты всё было внове. Но ничего: пока мылись, да вениками нахлёстывали друг друга — стали чуть ли не первейшими подругами.

Девчушка-то ещё не хлебнула лиха полной ложкой: школу едва-едва закончила. А тут война. Даже целоваться, наверное, ещё не научилась. И на мир пока смотрела удивлёнными, широко распахнутыми глазами.

Кроме Анютки санитарок хватало: меня обихаживали чуть ли не всем медсанбатом. И сам не понимаю, за что такая честь. Из-за того, что был единственным раненым женского пола? Так война быстро учит жёсткости. И даже жестокости. Не думаю, что какая-то мамзель вызвала вдруг у персонала жуткое желание взять над ней шефство. Хотя, если подумать, — вполне возможно. Перебинтовывать меня, например, всегда приходила пожилая санитарка Глаша. Женщина явно уже разменяла пятый десяток. По возрасту в бабушки ещё не годилась, но война и тяжёлая работа сильно её состарили. Глафира — женщина немногословная, на вид очень даже суровая. Но повязки умудрялась менять так мастерски, что почти этого не замечал.

Всегда придёт, внимательно осмотрит, пощупает лоб — нет ли температуры, пройдёт пальцами по гематомам, проверяя их состояние, по ранам — не воспалились ли. И реально её чувствительные пальчики приносили вполне заметное облегчение — мне действительно становилось лучше. А уж когда меняла повязку на торсе, всегда внимательно рассматривала выжженную звезду. Пару раз даже мазала её какой-то пахучей мазью. Но никогда и ничего не спрашивала. И даже особо не говорила. Лишь перед тем, как выйти из закутка, всегда напоследок бросала в мою сторону взгляд, полный сострадания. Думала — я не вижу, как нет-нет, да и блеснёт в уголках её глаз предательская влага.

И из-за этого я ещё больше ярился и бессильно скрежетал зубами. Как же я вас, мрази фашистские, ненавижу. Сколько же страданий вы принесли на нашу землю. Русский народ всегда славился широтой своей души. И Глаша — яркий тому пример. Несмотря на трудности, тяжёлую работу, голод, холод и страдания, женщина в первую очередь заботилась о своих подопечных. Я же видел, что ей тяжело. Но она всю себя отдавала нам — раненым. О себе не думала вовсе. И ведь все это буквально кожей чувствовали: ни разу ни от одного раненого не слышал ни одного плохого слова в её адрес. Только благодарность. А ведь люди разные бывают. Были среди раненых и такие, про которых можно сказать “пробу негде ставить”: даже ко мне пытались подкатывать. Бабники — что с них взять. Но Глафиру реально уважали. В её присутствии не звучало ни одного матерного слова. Так что “Есть женщины в русских селеньях...” Некрасов писал, наверное, именно с таких, как она.

Анютку же, похоже, жалели: малолетней пигалице старались тяжёлой работы не давать, хоть та и “рвалась в бой”. Мотивировали тем, что “дескать, успеет ещё навидаться всякого”. Потому и к моей перевязке её не допускали: я и сам понимаю, насколько жутко, наверное, выглядело тело Ольги. От такого зрелища, наверное, кошмары по ночам снились многим (тем, кто это непотребство видел, естественно). Хотя встречались и гораздо более страшные ранения. Но одно дело — раненый мужчина. И совершенно другое — раненая женщина. Я, наверное, тоже на раненых женщин не захотел бы глядеть — жутковато. Вот и держали Анютку в этом плане от меня подальше. Но в баню идти вместе со мной оказалось некому — все были очень заняты. Так что невольно пришлось и её “посвятить” в тайну моей звезды.

Ничего, девочка справилась. Хотя я и клял себя на все лады, но это чёртово “тавро” даже при желании фиг скроешь. В общем, к концу помывки всё более-менее устаканилось и вышли мы из бани уже вполне довольные жизнью.

Так и шли с ней к медсанбату, пока по дороге навстречу нам не попался “козлик” — ГАЗ-64 — первый советский джип (память оказалась на высоте).

<https://www.kolesa.ru/article/avtomobili-velikoy-voyny-chast-vtoraya-legkovye-2010-05-14>

Поравнявшись с нами, машина остановилась. За рулём оказался совсем неизвестный мне паренёк, рядом с которым я с удивлением увидел уже знакомого особиста. Тот мне кивнул и улыбнулся:

— Я смотрю, дела у вас, Ольга, уже пошли на поправку. Значит, скоро свидимся, — и тронул водителя за руку, давая команду на движение.

Тут-то меня и накрыло...

На заднем сидении я вдруг заметил вальяжно развалившегося эсэсовца, рядом с которым сидел напряжённый, внимательно следящий за ним конвоир.

Но лишь наши взгляды — мой и надменный эсэсовца — пересеклись, как чуть ли не физически стало тяжело дышать.

И такая вдруг ненависть разгорелась в моём сердце — хоть костёр зажигай. Надменное, холёное лицо “повелителя всех народов” как-то резко вдруг посерело. Из фрица будто резко выкачали весь воздух — он осунулся и скукожился. А на лице отразился самый настоящий ужас, переходящий в панику.

Миг — и “козлик” проехал мимо, оставив на душе какое-то жутко гадливое чувство. Будто в отборном вонючем дерьме извозился весь по уши. Прямо физически захотелось тут же вернуться в баню обратно и снова помываться. Но нельзя — желающих и без нас полно: банька маленькая и на неё очередь расписана чуть ли не на неделю вперёд.

Очнулся от того, что кто-то теребил меня, крича прямо в ухо:

— Оля, Олечка, да очнись же. Да что же с тобой такое? Оля...

Оказалось — я так и застыл на обочине дороги, стоя со сжатыми кулаками, с которых на снег капали капельки крови. Сразу даже кулаки не удалось разжать — заклинило. А потом в медсанбате мне сделали перевязку — коротко остриженными ногтями я умудрился повредить себе кожу ладоней. Да ещё так неестественно-глубоко — прямо жуткие раны на руках образовались.

Ох, и наслушался же перлов от Пал Палыча. Полчаса бедный военврач исходил на желчь. Оттаял только тогда, когда я пообещал во всём его слушаться и не перечить.

А вечером припёрся старлей-особист.

Отвёл в отдельную комнатку, выделенную военврачом для подобных мероприятий, и долго рассматривал со всех сторон, наворачивая вокруг меня круги — скорее всего, изучая. Наконец, эта игра в молчанку ему, видимо, надоела и он уселся за стол напротив меня:

— Не знаю, какую-такую контузию вы, Ольга, получили, но на пленных фрицев действует безотказно, — и улыбнулся во все свои “тридцать два”.

Видя мой недоумённый взгляд, от души рассмеялся (на этот раз выглядел он явно гораздо лучше прошлого раза) и продолжил:

— После встречи с вами этот эсэсовец выложил не только всё, что знал, но и то, о чём только догадывался. Ничего не утаил. Я думал — долго ломать гада будем — больно уж спесив. Ни Бога, ни чёрта не боится. Но после встречи с вами его как подменили: более жалкое зрелище сложно придумать.

Степень удивления на моём лице, видимо, совсем уж зашкалила за все мыслимые пределы, вызвав у особиста очередную порцию смеха:

— Когда приехали в отдел, выяснилось, что фриц, оказывается, обмочился. И всю его спесь как ветром выдуло. Рассказывать побежал чуть не бегом. Торопился, слова глотал, давился. Пел, как соловей. Аж взахлёб. Едва записывать за ним успевали. Даже сотрудничество предложил. Сам.

— Ничего не понимаю, — пробормотал я, — А я-то тут причём? Этот ээсовец, скорее всего, вас испугался. Вы же НКВД. Сам Гитлер, небось, только слыша о вашей организации воздух портит и истово крестится.

— Я бы поверил, если бы до того мы этого фрица два дня всем отделом не охаживали. Повезло в том, что пришлось сегодня везти его на одну важную встречу. Отмыли, отчистили, даже покормили слегка. Он, видать, думал, что всё — мы сдулись. А тут такая неожиданная встреча с вами...

На мою вздёрнутую в удивлении бровь, особист ещё раз коротко хохотнул, пояснив, что при обработке ээсовца речь шла не о физическом методе воздействия. Полно и других, не менее, а то и более эффективных решений. Хотя по роже этот “истинный ариец” пару раз хорошенько так отхватил. Но на “уговоры” не поддался. И лишь памятная встреча со мной вызвала в нём прямо всепоглощающее горячее желание сотрудничать с органами.

Отсюда и вопрос: в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, не желаю ли стать сотрудником этого самого страшного НКВД?

Некоторое время мы играли в гляделки, а потом я тихо, едва слышно прошептал:

— Я подумую...

На что особист широко, по-дружески улыбнулся:

— Надеюсь на ваше положительное решение.

Чем вызвал во мне кучу противоречивых чувств.

— Зачем я вам? — всё ещё не понимая, задал я вопрос.

— Вы хоть и утверждаете, что у вас амнезия, но дела говорят сами за себя. Мы уже в курсе последних ваших приключений на оккупированной врагом территории. И даже имеем кое-какие козыри в рукаве, что могут помочь вам с воспоминаниями. Но об этом после. Сначала встаньте на ноги. А вот потом и побеседуем.

И снова широко улыбнулся.

А я всё никак не мог вспомнить: представлялся он мне во время первого своего посещения или нет?

Окончательно сбил меня с толку тем, что, резко встав из-за стола, подошёл к двери и, выходя, сказал напоследок:

— До скорой встречи!

А я сидел ещё минут пять, пытаюсь понять: что сейчас было? Куда делся строгий борец со шпионами всех мастей? Откуда взялся довольный жизнью рубаха-парень? И что за намёки на наше дальнейшее сотрудничество? Блин, где я, а где НКВД? Лезу, ведь, к волку в пасть.

Хотя есть и плюсы: НКВД такая организация, что может создать новую личность на пустом месте. Это позволит легализоваться, получить документы и даже начать обустриваться в новом для меня мире.

Но и минусов полно: я всё время буду “под колпаком”. И первая же ошибка вполне может стоить мне жизни.

Тут надо очень хорошо подумать. Задача — минимум: бить немчуру в хвост и в гриву, пока эта коричнево-чёрная пакость окончательно не издохнет. Для этого необходимо вступить в ряды РККА. Но кому нужна бестолковая баба? Где я могу в полной мере проявить все свои способности и умения, если об этих самых способностях и сам ничего не знаю? Точнее — не помню.

Допустим, пришёл я в военкомат. Куда меня могут отправить? На курсы медсестёр? Снайперов? Отправят к зенитчицам? Или пнут куда-нибудь в штаб в качестве бесплатного приложения к печатной машинке? Чёрт его знает.

А в НКВД кого из меня сделают? Вообще непонятен интерес этого старлея. На кой ему в органах понадобилась какая-то мутная баба? Пусть даже из-за неё все окружающие эсэсманы в штаны прудят почём зря. Я там нештатным пугалом работать буду? Да пусть даже и штатным — мне это зачем? Лишний шанс проколоться и ляпнуть что-нибудь не то. А потом лет десять без права переписки грязь месить в местах не столь отдалённых. Или ещё чего похуже. Оно мне надо?

Причём, к НКВД, как организации, защищающей интересы трудового народа (о как заговорил) претензий пока не имею. Они и должны быть жутко подозрительными. Иначе могут прозевать реального шпиона или диверсанта. А в таком деле, к сожалению, ошибки неминуемы. И хорошо, если вовремя разберутся. А если нет? Люди ведь разные бывают. Одни — профессионалы. Без железных доказательств на человека не будут всех собак вешать. А другие — дилетанты. Или карьеристы, только и желающие, что взобраться на вершину пирамиды власти. И на пути к ней совершенно неразборчивые в средствах. Нарваться на таких — хуже и придумать сложно. Уж эти твари сразу позаботятся о том, чтобы новоявленный “шпиён” не смог сорваться с крючка. Так что расстрельная стенка — как пить дать.

Но старлей-особист показался мне вполне вменяемым. Не просто же так он тут передо мной соловьём разливался. Вообще, та информация, которую он вывалил мне на голову, по идее, не должна была достигнуть моих ушей. Однако, для чего-то он её, всё же, до меня донёс. Вербует — это понятно. Ни один особист в своём уме от такого ресурса, как я, самостоятельно бы не отказался. Ну а что? Судя по словам старлея, обо мне они уже многое знают. Стало быть, все мои “фортели” на временно оккупированной территории, уже препарировали и под лупой внимательнейшим образом рассмотрели. Возможно, даже свидетелей каких-нибудь нашли. Хотя, какие свидетели? Сколько к своим выбирался — почти никого и не встретил.

Кто и чего там смог увидеть? Разве что фриц этот Лепке. Но и он о моих приключениях в первой деревне не в курсе. А я рассказывать никому не собираюсь. Ибо “выпилить” одно подразделение обычного вермахта — это одно. А вот справиться с толпой эсэсовцев — это уже совершенно другое. Не дай Бог, подумают, что я “засланный казачок”. Доказательств-то нет. И слава Богу. Так что буду молчать, как партизан. Это уж мои личные с эсэсовцами счёты. Поэтому надо прикинуть полено к носу: в каком месте я смогу нанести гадам максимальный урон?

Фрицев бить хочу? Хочу. Причём, пачками. Снайпера — мастера одного выстрела: можно сутки неподвижно проваляться в каком-нибудь болоте, чтобы сделать один-единственный верный выстрел. А потом умудриться незаметно смыться со своей лёжки, дабы уцелеть и бить немцев дальше. Терпение, терпение и ещё раз терпение. Нет, это не про меня: увижу эсэсмана — могу не удержаться. Проехали.

Что там дальше? Медсестра спасает жизни бойцов. Я же дико желаю уменьшать вражеское поголовье. Радистка, штабистка, разведчица — не то. Любая служба, где требуется много терпения и мало стрельбы по мишеням — не для меня. НКВД — тоже. Там требуется больше думать, нежели стрелять. А у меня руки чешутся — так хочется вновь почувствовать на пальце упругий курок пулемёта, изрыгающего целый ливень пуль по вражескому отродью. То есть, обязательно нужно попасть в обычный стрелковый взвод пулемётчиком... тьфу ты, пулемётчицей. Уж что-что, а с оружием я совладать сумею — проверено! В принципе, возможен вариант с морской пехотой или ВДВ. Но морпехи в это время, насколько подсказывает память, были не особо “в теме”. Да и ВДВ как-то не особо активно использовались.

Лётчик, танкист, зенитчик — война, в основном, индивидуальная: пилот против пилота, экипаж против экипажа. А зенитчику — так ещё попасть во вражеский самолёт надобно. Шансов — совсем чуть. В общем, массовость поражения возможна только при наличии пулемёта в руках, да на короткой дистанции. Значит, возвращаемся к нашим баранам: либо стрелковый взвод, либо пулемётная рота. Только в пулемётной роте используются, в основном, станковые Максимы (и откуда знаю?). А это очень тяжёлая штука, которую на своём горбу в одиночку не утащишь и позицию быстро не сменишь. И если вспомнить, что организм у меня сейчас женский — то есть, не отличающийся особой статью и силой, — вариант только один: пулемётчица в стрелковом взводе. С ручным, естественно, пулемётом. Хотя, Максимы, вроде, на колёсах перекатываются. Да и для тяжёлых работ на подхвате будет второй номер. Наверное, тогда и станкач сгодится. В общем, попрошусь в пулемётчицы. А там куда направят — туда направят.

<http://wio.ru/galgrnd/ww2mgru.htm>

https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрелковый_полк_РККА#Пулемётная_рота

Лишь осознав это, довольно осклабился: решение принято. Впереди замаячила ясно видимая цель, двигаться к которой и буду в самое ближайшее время.

Так что извините, товарищ старлей, но мне с вами пока не по пути. Зато жирок надо уже сейчас нагуливать: пора заняться собственной физподготовкой. Иначе кто ж такого задохлика в армию примет? Или правильно сказать — задохлицу? Тьфу ты, как же с этими бабами всё сложно!..

Медсанбат. Часть 3

Буквально на следующее утро обитателей медсанбата весьма позабавил вид одной сумасшедшей дамочки, занимающейся собственным физическим воспитанием.

Пробежка... Ну, как пробежка — скорее, медленное ковыляние под подбадривающие крики невольных зрителей. Действительно, а чем ещё заниматься в медсанбате? По рассказам медперсонала, наши пока активно наступают. И фронт из-за тяжёлых погодных условий хоть медленно, но движется. За время моего вынужденного нахождения в медсанбате хорошая погода стоит только два последних дня. И то — относительно хорошая. Так как периодически метёт. Поэтому ротация раненых слегка замедлилась: кого-то отправили дальше в тыл, а кто-то остался долечиваться в медсанбате. Однако, новых раненых всё-равно много. Часто попадают с обморожениями. То руки, то ноги, то части лица, а то и всё вместе. Морозы стоят трескучие: не успеешь оглянуться — уже что-нибудь себе отморозишь.

Хорошо, что медики тут — профессионалы с большой буквы. Работают быстро и

слаженно. Но даже при этом мест постоянно не хватает. Бои идут тяжёлые. Фриц, гад такой, даже в такие морозы сдаваться не спешит. Так что излишек раненых начинают распихивать по домам. В медсанбате стараются оставлять только самых тяжёлых, требующих повышенного внимания и непригодных к транспортировке. А то до госпиталя мало кто доберётся живым. Но и выздоравливающих бойцов по домам распределили далеко не всех. Оставили, как ни странно, и меня. Если честно — мне самому неприятно занимать чьё-то место: закуток вполне себе может вместить двоих. А я тут один благолепствую.

В общем, решил всеми силами ускорить процесс выздоровления. А где ещё заниматься, как не на улице? Однако, война: может, ведь, и фрицевская авиация налететь.

По идее, конечно, погода нелётная. Но мало ли. А из-за того, что в этой деревеньке образовался своего рода командный центр (особисты облюбовали населённый пункт наравне с медиками) — от налётов с воздуха нас прикрывает зенитная батарея, размещённая на окраине деревни. Поэтому птенцов Геринга в какой-то мере можно пока не опасаться. Вот я и занимаюсь “рукомашеством и ногодрыжеством”, пытаюсь по мере возможности привести организм в тонус. А то — стыдно сказать — даже пару раз от пола отжаться не могу.

Сам понимаю, что рановато мне ещё заниматься физическим воспитанием. Но время не терпит. Будто кто в спину подталкивает: быстрее, мол, быстрее. На том свете отдохнёшь. А сейчас сожми зубы, терпи, но выкарабкивайся. Ибо события ждать не будут.

Подрыгав минут пятнадцать своими телесами, вдруг осознал, что таким образом буду “прокачиваться” до “морковкиного заговенья”. Ведь как бы ни напрягался физически — толку мало: прогрессировать буду медленно.

А что, если?..

Ага. Это “если” можно делать только там, где не будет лишних глаз и ушей. Иначе особист прибежит первым. И тогда мне точно хана: запишут в китайские “шпиёны”. Ведь в это время мало кто владеет всякими “йогами” и “цигунами”. Да и те свои умения и знания особо не афишируют. Вот и представьте себе ситуацию: деревенская девица — и вдруг занимается восточными практиками. Тут у любого особиста крышу сорвёт. Именно поэтому я даже говорить пытаюсь неправильно — на “сельский” лад. Дабы не спалиться. Но тут совсем припекло: заняться “тайчи” — вполне себе известным способом с минимальными затратами поправить собственное здоровье — нужно просто кровь из носу.

Предубеждение к восточным практикам у меня, вроде, отсутствует. Обидно, что в голову не пришло ничего из русских народных (если таковые были, конечно). Так бы и скрываться ни от кого не пришлось: сказал бы, что дед (или прадед) научил. Но тут уж выбора нет: или “тайцзицюань”, или ничего. Память ничего кроме “тайчи” и “у-шу” не подбросила. Причём, с “у-шу”, как “призналась” она же, знаком гораздо хуже. Значит, буду заниматься тем, что, якобы, знаю. Как говорится, “при всём богатстве выбора другой альтернативы нет”.

Так что бросивдохлый номер с физкульт-пробегом, поковылял искать родственную душу в попытке “поговорить за жизнь”. Самое смешное — среди медперсонала не нашлось никого, кто бы на короткой ноге сошёлся с кем-нибудь из местных. Видимо, просто не успели ещё. Не думаю, что медики здесь находятся очень длительное время.

Зато нашлись местные, работающие в медсанбате в качестве обслуживающего персонала: истопник Михаил Евсеич (дядя Миша) и прачка Мария Степановна с бригадой работниц (были ещё и кухарки, но до них не добрался). Вот уж кому не позавидуешь: зной ли, холод — стирать исподнее нужно всегда. Да и, естественно, не только его. Из-за

постоянной нехватки вообще всего, чего можно и нельзя, приходилось стирать даже бинты. И часто не в тёплой водичке, а в ледяной. Ибо с дровами и подогревом воды тоже далеко не всё так радужно. Лес, конечно, рядом. Да поди — возьми его. А много ли настираешь скрюченными от холода руками?

Поэтому приходилось привлекать почти всех деревенских, да выздоравливающих ранбольшных впридачу. Иначе объём работ был просто неподъёмен.

На войне как на войне: забинтует медсестричка раненого бойца и давай тащить к своим. Хорошо, если поможет кто. А если некому? Казалось бы, сама — воробушек тощий, какие у неё могут быть силы? Но ведь вытаскивает. И откуда что берётся?

Так вот, принесут, бывает, раненого в ПМП (полковой медпункт) — а он и остыть уж успел: помер по дороге. Медсестрички слёзы льют, рыдают взахлёб: не успели, не смогли. Но так уж случилось — что поделаешь?. И бегут обратно за новыми ранеными. А тут уж бинты с мёртвого бедняги сматывают — и в стирку. Живым нужнее. Страшно, мерзко — жуть. Но делать нечего: перевязочного материала катастрофически не хватает. Да и не только его. Одежку с умерших тоже снимают. Стирают, штопают — и отдают живым. Смотрится как-то неприятно, конечно. Но деваться некуда: хорошо, если у раненого одежда после ранения осталась более-менее целой. А если нет? Не нагишом же ему ходить. Вот и выдают подштопанную и постиранную одежду с чужого плеча. Особенно в дефиците обувь — она у бойцов разваливается в первую очередь. Это правда войны. Тяжёлой, страшной войны, где многие забывают даже о том, что они, прежде всего, люди. Звереют. И медикам — тяжелее всех. Они находятся в этом кровавом ужасе круглосуточно, хлебая его через край. Я даже не знаю, какую силу воли и стальные нервы надо иметь, чтобы вынести весь этот кошмар. Да им при жизни памятники ставить надо — сколько народа спасли. Конечно, и среди них встречаются “коновалы” и всяческого рода карьеристы. Но больше, всё-таки, порядочных, что днём и ночью, не щадя себя, спасают человеческие жизни.

Остальным тоже тяжко. Прачкам — вообще не сахар. Я бы им в меру собственных сил тоже помог. Если б смог. Это только с фрицами орёл: “одним махом семерых побивахом”. А в быту — слабее ребёнка. Хожу, вон, — и то с трудом. Бег напоминает перемещение беременной черепахи. Тремор в руках хоть уже и прошёл, но поднять что-либо тяжелее ложки — весьма серьёзная проблема. А ведь мне ещё с оружием нужно как-то обращаться. И не просто держать, а стрелять и попадать. Так что качаться, качаться и ещё раз качаться. А любые физические упражнения подразумевают, в первую очередь, хорошее питание, с которым тоже проблемы. Мне ведь, по большому счёту, двойную, а то и тройную порцию надо — уж больно отощала моя реципиентка. Ведь даже с фронтовыми нормами банально не наедаюсь.

И от осознания этого хочется рвать и метать: ну как за короткое время восстановить физические кондиции Ольги? Организм настолько истощён, что как бы ноги в процессе физзарядки не протянуть. В общем, что хочешь делай, но место для тренировок найди! Похоже, без “тайчи” мне никак не обойтись.

Об этом и пошёл пообщаться с Марией Степановной. Пришлось приоткрыть часть правды: дескать, необходимо более-менее просторное помещение, ибо нужно позаниматься специальной восстановительной физкультурой для скорейшего выздоровления. Не обязательно помещения отапливаемого — главное, чтобы просторного и подальше от людских глаз. Чтобы не мешали.

Но, к сожалению, получил полнейший облом-с: в деревне избышки маленькие, в них и

самим-то жильцам развернуться нет никакой возможности. А тут “целую залу” требуют.

М-да. Разговор с прачкой как-то не задался. То ли я ей не глянулся, то ли посчитала меня не пойми кем. Расспрашивать, естественно, не стал. Так и ушёл несолоно хлебавши, направив свои стопы уже к истопнику. Может, у него свои резоны имеются?

Дядя Миша (между прочим, вполне ещё крепкий дедок лет семидесяти) поскрёб заскорузлой пятернёй в затылке и выдал:

— Тебе, дочка, подсобить-то можно, да вот бяда — чегой-то похожего у нас нетути. Всё, шо маем — сараёшка на заднем дворике, где хранится струмент, да барахло всякое. От ветру закрыта, да от глаз людских. Но места там — чуток, да ишшо с пол-чутка.

Естественно, что я тут же захотел убедиться в бесперспективности затеи, и уже через пару минут обозревал рекомендованное помещение.

Ну, что сказать: сарай действительно не впечатлил размерами свободной от инвентаря зоны. Однако, прикинув полено к носу, понял, что для моих занятий (если расчистить площадку нужного размера) его вполне хватит.

О чём немедленно и оповестил истопника. Дядя Миша хитро на меня посмотрел и дал добро на приведение площадки в надлежащий вид. Естественно, столь доброе деяние я не мог оставить без подарка, поэтому призадумался. И пока расчищал в сарае место, напряжённо думал: что же полезного сделать Михаилу Евсеичу?

Достать спирт сейчас для меня весьма непросто: я же не в немецком тылу, где можно прикнопить какого-нибудь эсэсовца и прихватизировать содержимое его фляги. С оружием — тоже напряжёнка. Мало того, что кому попало его не выдают, так и моё благополучно сгнуло в памятном бою за Парфино: в медсанбат меня принесли только в одежде, да и той некомплект — одно исподнее осталось. Видать, взрывной волной всю одёжку и сдёрнуло. Хотя какая там взрывная волна от одного снаряда из кургузой пушчонки? Была бы авиабомба — ещё понятно. А тут что?

Даже из обуви только один валенок остался. И тот, скорее всего, чудом не потеряли. Соответственно, ни фляги при мне не обнаружилось, ни оружия. Либо прихватизировали (что вряд ли), либо просто бросили из-за того, что пришло в негодность. Пообщавшись с ранеными, понял, что гадов, конечно, хватало всегда и во все времена. Но так, чтоб у живого человека одёжу тырить — это уж совсем отмороженным надо быть. Поэтому, думаю, все осколки, что предназначались мне, приняла на себя одежда. А тулуп-то был весьма плотный. Скорее всего, от него одни дырки остались — вот и все дела. Чудно, конечно, что ни одного лишнего отверстия во мне не образовалось. Но каких только чудес на войне не случается. Так что просто тихо порадуюсь тому обстоятельству, что уцелел. Эх, оружие бы раздобыть. Но даже об утере пистолета я так не переживал, как о пропаже ножа. Вот ножа мне реально сейчас недоставало.

Оттого и был задумчив: банально не было ничего, что можно было бы подарить деду. Одежда — и та на мне с чужого плеча. Денег, естественно, нет. Ольга же не военнослужащая. И нигде не работает. Только нахождение на излечении в медсанбате ещё как-то компенсирует получение пайка. А когда выпишут — что делать? Я же банально от голода загнусь. Пока доберусь до военкомата, пока военком что-то по поводу меня родит — куча времени пройдёт. Причём, ещё даже неизвестно — примут меня в ряды РККА или нет. Хотя, сейчас время такое — принимают всех: и больных, и кривых, и даже инвалидов. Уверен, что при должном напоре и наличии наглости, возьмут даже без ног и без рук. Память мне тут же подкинула сведения о пилоте по фамилии Маресьев*, что потерял обе

потерявшего память.

Не нравился мне этот ухарь — хоть тресни. Какое-то неприятное чувство вызывал. Даже не досады, а какой-то гадливости. И взъесться на него, вроде, особо не с чего: ну, интересуется человек, мало ли? Развлечений тут совсем немного. Даже газеты — и те приносят редко. В основном, каждый день одна из санитарок зачитывает передовицы и убирает печатную продукцию куда-то в ординаторскую от греха подальше — чтобы на самокрутки не разобрали. Радиоточка не работает. Рация — только у особистов.

Так что развлекали себя как могли — кто во что горазд. И вот угораздило же меня перед обедом нарваться на этого обалдуя. А тот возьми, да облапай телеса Ольги. Я от неожиданности застыл соляным столбом, не зная что предпринять.

Хотелось въехать наглецу в ухо — но, вроде как, свой. Жалко. А с другой стороны, отбрить хама как-то нужно. И пока я скрипел мозгами, этот неусидчивый тип жарко так задышал мне в ухо:

— Вижу, красавица, соскучилась по мужской ласке. Пойдём со мной. Я тут одно местечко знаю — знатно время проведём.

И тут же, видя моё непонимание, быстро добавил, пока я ещё не успел ничего ответить:

— Смотри — какая мягкая, да норовистая кобылка. Радуйся: боец Красной Армии тебе знаки внимания оказывает, бабская твоя душа. Ты ж, небось, в своей деревеньке акромья коров никого никогда и не видывала.

И похабно так подмаргивает. Дескать, ”а не пора ли нам пора?”.

И так мне противно вдруг стало. Понял я, отчего этот хмырь не понравился. Когда меня облапил — так и дошло: не ранен он в бою вовсе. Самострел. Пока я пребывал в ступоре, подсознание вмиг разобралось в ощущениях и всё разложило по полочкам. Осталось только узнать подробности.

— А ты, мил человек, грабки-то свои прибери, — озлился я, пытаюсь оттолкнуть назойливого типа, — А то, неровён час, ещё одним ранением обзаведёшься. Токма ужо интимного характера. Бо выдерну с корнем — и скажу, шо так и было.

— Ой, какие мы нервные, — ослабилась оппонент, ещё сильнее притянув меня к себе, — Радоваться должна, шо такой геройский боец как Петро Онищенко тебе внимание оказыват.

— Ты, Петя, такой херой, который окромья филея фрицам ничо показывать не обучен. Или, думаешь, раз баба — в ранениях не разбираюсь?

И пока охальник не сообразил куда ветер дует, зашипел на него не хуже соседской злобной кошки, ещё активнее отталкивая его от себя:

— Ошибаешься, паскудник! Я твою харю здесь уже несколько дней наблюдаю. И сдаётся мне, что хероизм твой только на одно заточен: как по-херойски с поля боя драпать впереди собственного визга. Думаешь, не вижу, что у тебя за ранение? Так самострел ты, а не герой. Трибунал по тебе плачет горючими слезами — аж заливается.

— Что? Что ты, гнусная тварь, сказала? — перекопилось от злобы лицо Петра и он с силой ухватил меня за плечи, трясся словно грушу, — Да я из тебя щас отбивную сделаю, подстилка фрицевская. Думаешь, не знаю, чем ты там в своей деревушке занималась? Каждому фрицу дырку свою предлагала за пайку, курва синюшная. Морду вон как разукрасили — видать, молода, да не объезжена. Небось, уму-разуму учили? А, сука?..

И такой злобой на меня плеснуло, что даже слегка опешил. Была б на моём месте Ольга — ей-ей, потерялась бы от несправедливой обиды. Но хлыщ не на того напал! С одной

стороны, тельце Ольги ещё очень слабое и даже такому дрыщу, как Петя, оказать достойное сопротивление вряд ли сможет. С другой — внутри этого слабого тельца я. И нового насилия над только вставшей на путь выздоровления реципиенткой не потерплю.

Не знаю, что уж там себе вообразил этот конь педальный, демонстрируя превосходство в размерах и силе, но боль только стимулировала резервы организма Ольги. И хоть положение было очень невыгодным — Петя зажал меня у боковой стены сараюшки, которая не просматривалась из близлежащих строений — о том, чтобы позвать на помощь, я даже и не подумал. А ведь Ольга была ниже Пети почти на голову. И значительно легче. Ведь каким бы этот кадр ни был дрыщом, но его семьдесят кило против несчастных Олиных сорока пяти (как говорят в народе — “бараний вес”) — всё равно что бульдозер против легковушки.

Излишняя самоуверенность его подвела: я не стал дожидаться момента, когда из меня в очередной раз вытряхнут душу, и стал действовать, влепив дрыщу коленом между ног. Знаю — подлый приём. Но и положение у меня тоже не из весёлых. Однако, моему противнику повезло: ватные штаны смягчили удар и всё, чего мне удалось добиться — разрыв физического контакта. Петя вынужденно отскочил от меня, держась за причинное место, а я смог сделать несколько шагов в сторону, увеличивая дистанцию между нами.

Но как же он меня разозлил! Плечи горели огнём и саднили, а в голове застучали “там-тамы”, ухудшая и без того не особо радужное самочувствие. Ну я и выдал на всю катушку, имея чёткую цель окончательно вывести противника из себя:

— Ты, Петенька, говори-говори, да не заговаривайся. Несколько раз видела, когда тебе раненую руку перевязывали. Не знаю, кто тебя сюда направил, но ранение от выстрела в упор из нашенской винтовки от ранения фрицевской пулей с расстояния в несколько десятков метров я отличить смогу. В упор ты стрелял, Петруша. В упор. Могу поспорить, — в мякоть левой, нерабочей руки. Ранение навывлет. Ничего важного не задето. Как раз, чтобы в больничку угодить на излечение. И уж отсюда спокойно сдриснуть. Или ты думаешь, что твой интерес к саням, да кобылке никто не заметил? Как ты уже два дни-то вокруг конячки круги наворачиваешь — то так прикинешь, то этак. Да вот беда — на виду она всё ж. А можа ты немецкий шпиён? А, Петя? Тогда что ж ты тут разнюхиваешь? Нешто вражью авиацию на медсанбат навести хочешь?

Если честно — играл на грани фола. Да и вряд ли смог бы мосинскую пулю от маузеровской отличить. Ну и в ранениях совершенно не дока. Выстрел в упор или с какого-либо расстояния, конечно, отличить друг от друга, скорее всего, возможно. Только не эксперт я ни разу. А вся уверенность лишь от того, что явно чувствую гнильцу стоящего передо мной человека, и глядя в его мерзопакостные глазки, вижу только подлость и трусость. Такой хмырь вряд ли будет честно драться с врагом. Скорее, дезертирует с поля боя. Да и про шпиона не зря сказал: действительно, наблюдал этого “деятеля” несколько раз, как он вокруг медсанбата шарился — что-то вынюхивал.

Как оказалось, попал не в бровь, а в глаз.

Петя, взревев раненым зверем, ринулся на меня, пытаясь втоптать в землю и совершенно забыв о том, что даже крыса, загнанная в угол, может доставить очень много хлопот. А я — не крыса. И хлопот могу доставить не в пример больше. Ещё и встал весьма удачно, положив левую руку на поленицу. Точнее — на одно из верхних, свободных поленьев. Причём, проверяя его доступность, это самое полено приподнял и провернул, оценивая размеры и вес. Ну откуда же Пете знать, что я левой рукой владею ничуть не хуже правой?

Здоровый муфлон — не значит умный: стоило Пете приблизиться ко мне на достаточное расстояние, как я резко отпрыгнул в сторону, одновременно с этим обрушив на голову много о себе возомнившего идиота вполне себе обычное деревянное полено.

Глухой “тюк” — и ничего не соображающий противник валится мордой в снег, пытаюсь собрать глаза в кучу. Бил я не со всей дури, а так, чтобы дезориентировать и лишит подвижности. Естественно, мне лишние трупы ни к чему. А то, что полено оказалось слегка тяжелее ложки — что ж... Я ещё с первых дней появления в этом мире понял, что во время боя могу впасть в некое пограничное состояние, которое сам именую “боевой режим”. Или, вкратце, “берсерк”. Состояние придаёт мыслям чёткость, а мышцам — силу. Реакция становится просто молниеносной. Но расплата приходит после жестокая: во время этого пограничного состояния организм пожирает свои ресурсы с невероятной скоростью. Поэтому очень легко перейти грань, после которой Ольга (а вместе с ней и я) просто умрёт.

Вот именно потому, что тело ещё слабо и его нельзя перегружать, в этот раз постарался обойтись без перехода в подобное состояние: не в бою ведь. Мне хватило толики злости, чтобы поднять треклятое полено и тукнуть им неразумного идиота по башке. Убивать я не планировал. Мне нужно было лишь его признание.

Хоть время и обеденное, из-за мороза на улице народу было немного. Но ещё до начала моего “обличающего” монолога понял — мы не одни. У нас появился зритель. Который вмешиваться в мои разборки с Петей не спешил. Зато видел и слышал всё, что здесь происходило. Зритель не простой: уж особиста не узнать у меня бы никак не получилось. С одной стороны, нехорошо, что он сюда зачастил. С другой — работа у него такая. А именно сейчас мне был нужен свидетель. Надо же Петеньку вывести на чистую воду: негоже гадёныша оставлять без наказания.

Судя по всему, особист собрался досмотреть спектакль до конца и появляться на сцене совсем не спешил. Я же решил отыграть роль дирижёра:

— Эй, Петюня, ты там жив, али как? — издевательски позвал я своего противника, благоразумно заняв удобную позицию на безопасном расстоянии, — Скажи, о чём ты думал, когда решил предать своих товарищей и дезертировать с поля боя? Ты ведь их бросил. Они там за тебя с фашистской мразью бьются, а ты тут по тылам шикуюешь.

Петя, немного ошалевший от удара, наконец, смог принять более-менее вертикальное положение и, сжав кулаки, двинулся в мою сторону:

— Ты, тварь... подстилка... Да я тебя на ленточки порву, — выплёвывал слова в мою сторону этот недоумок, — Давалка хренова. Сама немцам сапоги лизала, а меня в дезертирстве обвиняешь? Я из-за тебя чуть не погиб — ты, скотина, на наши позиции немецкие танки пропустила.

Оп-па. Так этот кадр не зря, значит, мной интересовался. Видел меня на поле боя. И находился на позициях атаковавшего немчуру подразделения. Только сам, похоже, в атаку не пошёл. Решил отсидеться в тылу.

— Я, Петенька, в отличие от тебя, от немчуры не бегаю. И сюда попала после боя за Парфино, где из-за таких как ты погибло много хороших бойцов. Рядом со мной вторым номером совсем пацан был — младше тебя, гавнюка. Так вот он не струсил. Дрался до последнего. Звали его Александром Петрухиным.

И, увидев вдруг разом изменившееся лицо шедшего на меня Петра, в голове, наконец, сложилась полная картина событий:

— Так ты, получается, знаешь куда мой второй номер пропал! — утвердительно

припечатал я, — Это ты, тварь, вызвался его до медсанбата довести, а сам под шумок смылся? Отвечай, паскуда!

Затравленный взгляд и виновато бегающие глазки мне моментально всё прояснили.

— Так ты, сука, бросил своего товарища на поле боя? — я аж задохнулся от злости.

— Он... наши позиции начали утюжить танки, зашедшие с фланга. Их было много, а тут Петрухин еле шкандыбаёт... А там — немцы. Да он всё равно не жилец был...

— Врёшь, паскуда! — у меня реально начало сносить крышу. Я был просто в бешенстве: — Танк был всего один. И если бы не твоя свиньячья морда, я бы сейчас не попала сюда с контузией. Бросил моего Петруху, гад. От танка сбежал, паскуда. Из-за таких как ты мы и драпаем от самой границы, ублюдок. Трус! Что тебе стоило достать гранату и кинуть этому сраному панцеру под гусеницу? Что тебе стоило кинуть в него бутылкой с зажигательной смесью? Из-за тебя мой второй номер... Петруха... У-у-у, тварь, не прощу!

Я был уже на грани. И вместо грамотного отступления сам пошёл навстречу Петюне, еле сдерживая дикое желание убить гада прямо тут.

А у Пети от страха за себя — боязни того, что раскроют его обман — вместо мандража в коленках вдруг прорезалась лютая ненависть, придавшая ему сил:

— Откуда ты узнала? — завизжал он с перекошенным от злобы лицом, надвигаясь на меня, — Ты не могла этого видеть! Сука! Тварь! Змея подколотная! Ведьма-а-а!..

Дальше пошёл поток отборнейшей чёрной брани. Ещё немного — и кулаки дезертира вмесили бы меня в грязь. Но особист был настороже. И вовремя поняв, что спектакль прямо сейчас может превратиться в кровавую бойню (ведь я тоже был на взводе и прямо-таки жаждал расколошматить башку этого гада зажатым в моей руке поленом), быстро заняв позицию позади Петра, демонстративно передёрнул затвор своего ТТ. В сложившейся ситуации это было подобно холодному ушатыванию воды, мгновенно разрядившему обстановку.

— А ну прекратить! — далеко разнёсся его громкий окрик, — Красноармеец Онищенко, вы арестованы. Руки за спину!

Из Петра будто сразу весь воздух выпустили: он тут же сдулся и ничем не напоминал уже того балагура, коего строил из себя совсем недавно. А рядом с нами, не иначе из воздуха (я даже заметить момента их появления не успел), тут же материализовались двое подручных особиста, которые, сноровисто обыскав моего противника и подхватив его под руки, поволокли того куда-то в сторону центральной улицы. Видимо, к транспорту.

Я же сам слегка ошалел от произошедшего. В самом начале казалось, что дирижировал оркестром именно я. В результате же просто тупо пошёл на поводу собственных эмоций. Ведь не вмешайся особист — и одной раскрытой черепушкой на моей совести стало бы больше. Я реально взъярился и был готов убивать. А теперь с трудом отходил от этого состояния, из-за чего руки стали слегка подрагивать, а тело сотрясать мелкая дрожь.

Старлей, ни слова не говоря, вернул своё штатное оружие в кобуру, предварительно поставив на полувзвод****, и подошёл ко мне. Понадобилось приложить некоторое усилие, чтобы выдернуть из сведённых судорогой пальцев полено и вернуть его на законное место в поленище.

**** Полувзвод, предохранительный взвод. Используется в "ТТ" для предохранения от случайного

выстрела. <https://ru.wikipedia.org/wiki/ТТ>

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Полувзвод_\(оружие\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Полувзвод_(оружие))

Затем он взял меня под локоток и повёл к себе — в особый отдел — пешком: машины уже не было. Да тут и расстояние-то плёвое. Даже не понимаю, зачем вообще транспорт

нужен был: мы дошли минут за двадцать. И всю дорогу молчали. Точнее, я молчал, а особист что-то мне втирал. Что именно — до моего сознания не доходило, поскольку на душе скребли кошки. Ведь я просто не мог поверить в то, что из-за трусости одного урода пропал совсем ещё молодой парень и отважный боец. Осознание этого буквально убивало меня, заставляя просто идти туда, куда вели, совершенно не обращая внимания на окружающее.

И лишь зайдя в помещение, в голове прорезалась здравая мысль: “Как же подозрительно вовремя появился особист. Да ещё с бойцами. Шёл кого-то арестовывать? Неужто меня? Вот же непруха! А я так сегодня и не пообедал”...

Медсанбат. Часть 4

Хорошо то, что хорошо кончается. По крайней мере, мне бы хотелось так думать. Но “Визит к Минотавру” слегка затянулся.

Сначала старлей задавал общие вопросы насчёт того, насколько хорошо помню недавние события возле Парфино. Я машинально отвечал, всё ещё находясь под сильным впечатлением от гнусного поступка Петра, бросившего раненого товарища на произвол судьбы.

Затем, понемногу придя в себя, стал отвечать более осмысленно.

В принципе, я ничем не рисковал. Память — штука весьма фривольная: “тут помню, тут не помню”. Так что часть правды касательно Александра Петрухина вполне можно было раскрыть. Типа вспомнил, как с Петрухой отбивались от вражеских танков. И всё. А остальное — сплошной мрак.

Но то, как расколол Петюню, может мне конкретно так аукнуться. Я так стремлюсь быть как можно дальше от НКВД и его присных, что... сам же лезу к ним в пасть с ничем необъяснимым упорством. И особист, едри его, это явно ценит.

Особенно напрягают его невербальные намёки. То лицо собеседника непроницаемо словно скала, и поди — разберись, о чём он там думает. То во взгляде появляется некая хитринка. Словно знает что-то про меня. Но сведениями делиться не спешит. А ты сиди, гадай — это что-то хорошее или нечто плохое?

У-у-у, “повбывав бы гадив” — то бишь, особистов. Но нельзя. Ребята делают свою работу. И отчитываться перед проверяемыми совершенно не обязаны.

Так и сейчас: сняв с меня показания, особист заставил подписаться под каждым листом. Предварительно дав прочитать текст, естественно. И... улыбнулся во все свои тридцать два зуба:

— Ну что ж, гражданка Ельцова Ольга Порфирьевна, тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения. Вот и определились, стало быть, с вашим прошлым. И теперь не мешало бы определиться с будущим.

Несколько секунд я бессмысленно лупал на особиста глазами. А взглянув на подпись, не сдержался и в сердцах выдохнул:

— Так просто? Нет, ну так просто? И вы только сейчас провернули со мной этот номер? А раньше никак нельзя было?

Я действительно был изумлён донельзя, ведь на всех листках рукой Ольги была выведена подпись — Ельцова О.П. Моторная память в действии? А ведь расписывался-тс чернильной ручкой. С открытым пером. И не сделал ни одной помарки. Даже пресловутую кляксу — и ту не посадил. Уверен: сам я никогда чернилами не пользовался. И расписывался как-то иначе. Причём, ручка у меня была точно не перьевая: внутри пластмассового

цилиндра находился стержень с пастой. Только название никак не вспомню. Память опять выдаёт знания маленькими порциями. Пряма зла на неё не хватает! Нет, чтоб выдать уже всю необходимую мне информацию, — как специально, прямо.

С одной стороны, был доволен как слон: у меня появилось имя. Официальное, как никак. А с другой — к этому имени могли прилагаться ещё родственники и знакомые. Ольга же где-то родилась. У неё были родители, друзья. Может, даже... Вот об этом думать уже как-то не хотелось.

Ага. Подумали за меня:

— Замужем за Николаем Самохиным, тысяча девятьсот двадцатого года рождения. Инвалид. Потерял правую руку два года назад в результате несчастного случая.

— Как... у меня и муж есть? — удивлённо воззрился я на особиста.

— По крайней мере, не так давно был. Успел ли эвакуироваться с временно оккупированной врагом территории — неизвестно. Судя по тому, что вы здесь, а его рядом нет — вряд ли.

Я лишь сокрушённо покачал головой: подобные данные из жизни Ольги, к сожалению, в памяти отсутствовали.

— Это не всё, — продолжил особист, — У вас ещё и сестра Дарья имеется. Родилась в один день с вами — двадцать пятого января. В селе Рязово Новгородской области.

— Как вы сказали — Рязово?.. — тут меня как обухом по голове ударило: память Ольги вдруг с обречённостью приговорённого выдала вердикт — это та самая деревня, где я очнулся в сарае. Господи...

Пальцы вдруг предательски задрожали и всё поплыло перед глазами, из-за чего я едва не хлопнулся на пол. Если бы не особист, успевший выскочить из-за стола и подхватить падающее тело Ольги — что-нибудь себе вполне мог бы сломать.

Хлипкое тело, ведущее себя как Бог на душу положит, подвело в самый неподходящий момент. Хорошо хоть сознание вернулось быстро. Однако, не само. Помогли: к губам приложили кружку, наполненную холодной водой. А организм, практически без моего участия, самостоятельно сделал несколько глотков.

После чего я смог, наконец, принять вертикальное положение и, нарочито медленно взяв уже полупустую ёмкость (чтобы особист не заметил дрожания рук), поставил её на стол, одновременно с этим отстраняясь от собеседника.

Перед глазами закрутился калейдоскоп из лиц безвременно ушедших людей — тех самых, с которыми Ольга прожила свою короткую, трагически оборвавшуюся жизнь. Эти воспоминания — как удар под дых — чуть было вновь не выбили из меня сознание. Тело опять повело в сторону. И чтобы не свалиться во второй раз, пришлось изо всех сил вцепиться пальцами в столешницу. Несколько долгих секунд я напоминал выброшенную на берег рыбу: глаза выпучены, рот разевается в безуспешной попытке ухватить хоть толику воздуха, а сжатое спазмом горло не даёт сделать даже маленького вдоха. Слава Богу, длилось это состояние недолго и я довольно быстро пришёл в себя.

Покачнувшись на стуле, выпрямился. И, с трудом оторвав пальцы от стола, отчего тот жалобно скрипнул, слегка покачал головой, разгоняя кровь.

Хотел ответить особисту простым, будничным тоном. А вместо этого проскрипел как та несмазанная телега (горло по-прежнему душил спазм, вышибая из глаз непрошеные слёзы):

— Нет больше Рязово, товарищ старший лейтенант. Эсэсовцы сожгли всех жителей. Стариков, женщин, детей... Даже грудничков... Я... была там... Была на пепелище. Кроме

обожжённых костей ничего больше не осталось.

— Ну хоть кого-нибудь из эсэсовцев помнишь? — донеслось до меня как сквозь вату, — Может, слышала название подразделения, что проводило карательную операцию против мирного населения? Это они тебя пытали? Они насильвовали? Выжженная звезда — тоже их рук дело?

Каждое слово особиста било по лицу наотмашь, заставляя непроизвольно дёргаться и вздрагивать. Сам не ожидал того, что физиологические реакции будут настолько сильными: будто не я управлял телом Ольги, а она сама вернулась из небытия. К сожалению, это был лишь фантом её памяти, заставивший меня в очередной раз пережить всё ей перенесённое. Неудивительно, что ослабленный организм банально не выдержал и меня прорвало:

— Не знаю я этих нелюдей! — с шипением выдавил из себя ставшие вдруг неожиданно тяжёлыми слова. Словно камни языком ворочал. И в голове гулко зазвенело от всплывшей вдруг откуда-то из потаённых глубин души ненависти. В теле появилась неестественная тяжесть, вынуждая снова вцепиться в край стола, дабы не упасть. Кровь прильнула к лицу и горячим пламенем стала растекаться по жилам.

— И имён их поганых не знаю! — голос звенел, набирая мощь и заставляя вибрировать тело Ольги. Стоящая на столе чернильница как-то подозрительно быстро поползла к краю, разбрызгивая содержимое и норовя свалиться на пол — мои руки охватила мелкая дрожь, вводя деревянную столешницу в некий резонанс.

— Только нет их больше. Не будут эти твари топтать нашу землю! — и сам не заметил, как оказался на ногах. Ноздри раздувались от хлещущего через край гнева, а глазами я готов был прожечь дырку в неожиданно возникшем передо мной особисте.

— Ну-ну, — донеслись до меня его слова, — Успокойся, Оленька, успокойся. Здесь врагов нет. Лучше побереги свою ненависть для тех нелюдей, кто пришёл на нашу землю грабить и убивать. Присядь. Успокойся. И поясни: что случилось с эсэсовцами?

Голос особиста звучал ровно, успокаивающе. Лишь в глазах плескалось нечто, похожее на страх. Точнее, даже не страх, а некое чувство опасения готового ко всему бойца. Он явно не хотел неприятностей, но был готов к любому развитию событий. Сильный и опасный противник. И в то же время “честный служака”, которому ума не занимать. Такие не продаются. И во власть ради власти не лезут. Просто тянут свою лямку, стараясь выполнять свои обязанности как можно более качественно. Я не знаю как объяснить подобные выводы. Интуиция? Эмпатия? Знаю только — подсознание в своих выводах пока ещё ни разу не ошиблось. Засим ему доверяю.

Из тела будто мгновенно выпустили весь воздух и я обессиленно плюхнулся на табурет, вновь вцепившись в край стола. Напротив меня занял своё место особист и его слегка потеплевший, но всё ещё жёсткий взгляд вынудил меня собрать всю оставшуюся волю в кулак.

— Спалила их всех в здании сельсовета, куда эти ироды забрались переночевать. Заперла ставни, чтоб не сбежали. Стащила из грузовика канистру с бензином и облила дом со всех сторон. А потом подожгла.

— Подожди. Они что же, все в одном здании собрались? И посты не выставили?

— Не помню. Метель была. Помню — много их в сельсовет набилось. Зато ни один гад не ушёл. Все сгорели. Отомстила я, стало быть, тварям, за наших. За деревенских... Извини старшой, не могу я больше это вспоминать. Они ж детей малых не пощадили. Как... Как я могла таких тварей в живых оставить? Эти ироды хуже лютых зверей-людоедов. Но те хоть

понятно отчего звереют — раз попробовав людского мяса, от него уже не откажешься. А эти? Что им дети сделали? А их матери? Не могу... Не могу, лейтенант... Не спрашивай меня больше об этом...

И я вынужденно закрыл лицо руками — из глаз брызнул целый водопад из слёз. Уж на что считал себя толстокожим, а тут — при другом человеке — вдруг враз расклеился. И сам не заметил, как рядом снова возник особист. А я, уткнувшись ему в плечо, заревел раненой белугой. Как обычная, простая русская баба. Лишь тело сотрясалось от рыданий, едва сдерживая рвущийся из груди крик.

А ведь был уверен, что мне удалось всё пережить. Что не сломался. Что сильный и ничем непрошибаемый. И вдруг тело Ольги предало меня, поддавшись на хитрые речи особиста. Скорее всего, он заранее прокачал ситуацию и, возможно, таким образом пытался получить правдивый ответ. Однако, теперь, похоже, и сам был не рад результату.

Да, память Ольги мне раскрыла чуточку больше, нежели было до этого. Но какой же душевной болью всё отозвалось: лица погибших людей вдруг потеряли свою безликость и приобрели чёткие индивидуальные черты. Ведь Ольга знала каждого из тех, кто сгорел в том проклятом сарае на окраине села. И это было во сто крат тяжелее, нежели иметь дело просто с чужими людьми.

Но как бы ни было больно, как бы ни было трудно, с грехом пополам удалось прекратить водопад из слёз и более-менее успокоиться. Захотелось отхлопать себя по щекам, чтобы окончательно привести в чувство. Но ещё старые синяки не полностью сошли, чтобы я тут же новые наделал — банально, пожалел и так уже настрадавшееся лицо Ольги. Ну и, каюсь, — по совместительству своё: болеть-то будет уже у меня.

Наконец, слёзы высохли и я с трудом отстранился от жёсткого плеча особиста — всё же, свою роль оно сыграло отменно, не дав слабому тельцу Ольги упасть. И тут же вскинулся от вспыхнувшего в мозгу образа:

— Спасибо Вам, старший лейтенант, за то, что подарили мне надежду, — и я неожиданно для себя улыбнулся, — Моей сестры Дарьи среди погибших не было. Она ещё весной уехала в... в... Лычково.

Память о данном событии в голове Ольги проявилась. Но эмоциональная окраска почему-то отсутствовала. Из-за чего сестра Ольги уехала? Ведь они одногодки. Может, замуж вышла? В деревне это быстро: оглянуться не успеешь — и уже голопузые детишки по двору бегают.

И глядя на враз помрачневшее лицо особиста, ещё на что-то надеясь, с ухнувшим снова вниз сердцем, прошептал:

— Лычково под немцами?

Ответа не потребовалось: всё стало ясно без слов...

Мы ещё пообщались некоторое время. Но после тяжёлого для меня разговора задерживаться у особиста не стал. Видя моё состояние, он чуть не насильно выпнул меня в направлении медсанбата. Сам не пошёл, ибо дел ещё хватало. Да я и сам от сопровождения отказался: растрёпанные мысли требовалось привести в порядок, а для этих целей прогулка по свежему воздуху — лучшее лекарство.

Шёл. И под мерное скрипение снега под ногами думу думал. Тяжёлую. Неподъёмную.

Да провались оно всё пропадом! Чего стоили мне эти несколько дней безумной гонки? Рвался к нашим, надеялся на помощь. Загнал Ольгу. Загнал себя. И?..

В результате творившегося с организмом реципиентки беспредела физически оказался ослаблен донельзя. И когда понадобилась нежданно приобретённая сила — взять её оказалось уже неоткуда.

Да, знаю, что не смог бы поступить иначе. И не жалею, что хоть немного, но помог нашим бойцам выписать трюндюлей гнусной немчуре. Принцип очень прост: “Если не я, то кто же?”. И я прекрасно понимаю, что один человек не в силах спасти всех нуждающихся. Но одно дело — знать. И совершенно другое — понимать, что кроме тебя просто некому. Наши бойцы делают всё, что могут. И даже более того. Но фашистскую гадину просто так не сломить. И дело каждого — приложить максимум усилий к тому, чтобы прибить как можно больше этих тварей, топчущих нашу землю.

Именно поэтому я не могу просить кого-либо о помощи. Миссию по спасению сестры придётся взвалить только на самого себя. Я ведь пока не военный служащий. А пробраться в оккупированный населённый пункт обычной селянке намного проще, нежели парню призывного возраста, который неминуемо вызовет подозрение. Может, именно для этого меня и впечатало в Ольгу? Может, это и есть моя миссия? Кто знает...

В любом случае, не могу же я её оставить фрицам на съедение. Родная кровь, как-никак. Спасать сеструху надобно. От одной только мысли о том, что Дарья может попасть в руки этих нелюдей кулаки сжимались сами собой.

Но нужно решить очень важный вопрос: как отправиться в пасть фрицам без подготовки, без продуктов, без зимнего снаряжения, да ещё и в полудохлом состоянии?

У нас тут, вроде как, война. А я не волшебник. И нет у меня никакой волшебной палочки. Сунусь в таком состоянии к фрицам в пасть — и сам погибну, и Дарью не спасу. Ну прям по Герцену: “Кто виноват?”. И по Чернышевскому: “Что делать?”.

О многом пришлось с особистом переговорить. Наконец, узнал, что зовут его Василий Иванович (как Чапаева). Вот фамилия немного “подкачала” — оказалась совсем не героической: Засядько. Но ничего. Главное — мужик оказался “с понятием”. И претензий ко мне, вроде, пока не имеет. Поговорили о дезертире, которому много чего, как оказалось, инкриминируют. И шёл особист “брат за жабры” именно его — нарыл на “товарища” кое-какие неллицеприятные факты.

Вообще, Василий Иванович оказался довольно дотошным спецом. Клювом не щёлкал. И копал — глубоко и вдумчиво. Именно ему путём опроса персонала медсанбата и работающих там деревенских удалось получить подробные сведения не только об Ольге, но и о её семье.

Оказалось, одна из кухарок узнала мою реципиентку — была в хороших отношениях с дальней родственницей матери Ольги. Ещё до войны пару раз даже с Ольгой и её сестрой Дарьей пересекалась. Нашлось ещё несколько свидетелей, что подтвердили выявленную картину. На это ещё наложились ранее полученные сведения от бойцов, принимавших участие в бою за Парфино. И пошло-поехало.

Документов-то у деревенских на то время не было. Так что обзовись хоть горшком — кто проверит? Нет, списки-то населения деревни у председателя обязательно присутствовали. Только где эти списки сейчас? Да и фотографий к ним не предусматривалось. Но “сарафанное радио” сработало (кто жил в деревне — поймёт). В сельской местности все, всё и про всех знают. И не только в своей деревне. Но и в близлежащих. А уж как кумушки умеют перемывать соседям косточки — так особисты и рядом не стоят. Такие подробности выуживают — в крутом детективе не встретишь. Да вот

беда: знать-то знают, но, видать, не всё. Не счетоводы, чай.

Потому-то никто не в курсе масштабов катастрофы: как подсчитать количество погибших, если неизвестно изначальное количество живых?

А деревень в России много. Очень много. И даже несмотря на это, brave особисты побили все рекорды: на пустом месте, не имея вообще никаких данных о человеке, умудрились разузнать всю его подноготную. Ну, почти всю. И это при отсутствии каких-либо документов.

Я в шоке. Как говорится, нежданно-негаданно столько счастья сразу привалило. Но оказалось то счастье хуже самого страшного кошмара: родители Ольги погибли, муж — тоже. Всех родственников, живших в Рязово, эсэсовцы заживо сожгли. Остались только Ольга, да сестра её Дарья. И та — на оккупированной немцами территории. Жива или нет — неизвестно. А не пойду за ней — ничего и не узнаю.

Но где на это силы взять? Ведь я ещё слабее котёнка.

И это ещё далеко не все проблемы. Особенно смущает поведение особиста. У него и так, вроде, дел “за гланды”. Чего от меня-то ему понадобилось? Не думаю, что какая-то колхозница может вызвать столь большой интерес органов. К Василию Ивановичу претензий нет — мужик действительно правильный. Однако, случись что, какая часть перевесит: служебный долг или совесть? Ведь бывают же такие ситуации, когда выбирать приходится только из двух вариантов: поступить либо по букве закона, либо по совести. Я, конечно, склоняюсь к тому, что особист выберет совесть. Но кто знает? Человек — довольно сложное создание. Даже логикой руководствуется не всегда. Но интерес к моей персоне он проявляет не совсем обычный: служебным рвением уж точно не объяснить.

Думаю, явно хочет меня для чего-то использовать. Судя по состоявшейся беседе и реакции на мои действия, всё ещё сомневается: справлюсь с неким важным заданием или нет? Не подведу ли?

Вроде, хочет о чём-то поведать, но тут же сам себя одёргивает. И вновь смотрит оценивающим взглядом: смогу — не смогу, стоит сказать — не стоит?

Мне-то все эти интеллектуальные игрища как-то до лампочки: мозги после случившегося с ними потрясения ещё на место не встали — соображалка иногда тормозит безбожно. Да и голова периодически побаливает. Так что не до “высоких материй”. Надо быстрее выздоравливать. Стало быть, придётся резко увеличить нагрузки. Времени нет тут в особом отделе ошиваться. Вот вернусь из Лычково с сестрой — пусть тогда и окучивает. А пока не до него сейчас: сестру спасать надо.

Как добрался до медсанбата — и сам не заметил. Настолько задумался, что пришёл в себя только облизывая ложку, которой до этого наворачивал давно уже остывшую перловку. А рядом — Анютка о чём-то щебечет. Видать, составила мне компанию за столом. И о чём-то быстро-быстро говорит, одновременно уминая кашу.

Едва успев перекусить, вскочила и куда-то умотала — только её и видел.

А я уже целую минуту пялюсь на пустое место перед собой и никак понять не могу: о чём она? Какие новые раненые? Откуда? Сколько?

Наконец, “до жирафа” дошло: после очередного боестолкновения прибыло много раненых. Причём, часть из них — тяжёлые. До госпиталя точно не доживут: оперировать нужно здесь и сейчас. Первую партию привезли. Кое-как разместили. Но мест всё-равно не хватает. Стали уплотнять за счёт ходячих, распределяя по избам уже их. Тут уж не надо быть

семи пядей во лбу, чтобы понять: пора освободить койко-место. А то реально буду чувствовать себя дармоедом. Эти ребята недавно из боя. Их спасти срочно надо. А тут я целый угол занимаю. Нехорошо с моей стороны получается. Надо искать место, где можно приткнуться. Хоть на пару-тройку дней. Потом нужно идти за сестрой. Как именно — другой вопрос. Об этом подумаю чуть позже. А сейчас нужно освободить территорию.

Успел только собрать свои вещички, коих и было всего ничего — лишь одежда, — как стали заносить раненых.

Глядя на то, как санитары и санитарки носятся с ранеными, выбиваясь из сил, просто не смог не включиться в процесс. Так что, бросив мешающие вещички в углу, в меру своих сил стал выполнять работу принеси-подайки: хоть так помогу ребятам. Одному повязку сменить, другому воды поднести, третьему — утку. И всем — как мог — улыбался и подбадривал. По себе знаю: “от улыбки станет всем теплей”. Не в курсе, правда, насколько моя улыбка могла кому-нибудь понравиться (следы побоев на лице, всё же, ещё видны). Но сам факт, по идее, должен был поднять настроение.

Как-то так получилось, что работал в паре с Анюткой: она делает, я помогаю. И настолько ладно у нас стало получаться, что и слов не требовалось — хватало полувзгляда.

Умаялись, конечно — жуть: раненых оказалось неожиданно много. Что при этом творилось в операционной — отдельный вопрос. Тут санитары с ног сбились. Причём, их было довольно много, да плюс желающие помочь. А хирургов всего трое. Причём, две врачихи ещё совсем “зелёные” — только недавно начали практиковать. Поэтому вся нагрузка легла, в основном, на Пал Палыча. Ему пришлось намного тяжелее, чем нам всем вместе взятым: оперировал военврач до поздней ночи.

Я же освободился значительно раньше. К сожалению, из-за особенностей сильно ослабленного организма — банально не выдержал напряжения. Вот тут и задумался: куда идти? Где искать ночлег? Хорошо, что Анютка вовремя подвернулась — пригласила к себе. Ей ещё раненых обихаживать и ночь не спать.

А я реально уже едва на ногах держусь: голова кружится практически не переставая и дышу как та загнанная лошадь. Так что не до политесов.

Конечно же, воспользовался её приглашением. По-моему, и про ужин забыл: как только добрался до Анюткиного закутка, вырубился сразу. Даже не разделся: в чём был — в том и уснул. Хорошо хоть мимо лежанки не промахнулся. А утром...

Медсанбат. Часть 5

Утром никак не мог сообразить где я. И почему мне так хорошо и мягко? С минуту совершал руками хватательные движения и что-то упруго-мягкое вызывало невообразимый трепет в душе, заставляя чуть ли не мурчать от удовольствия. Так классно выспался. Бок, правда, отлежал — матрац оказался явно тонковат. Но рядом оказалось что-то живое, мягкое и до того знакомо-приятное, что всё прошедшее казалось каким-то нереальным сном. Буквально всем своим существом почувствовал: рядом — женщина. Ноздри втянули запах... и я непроизвольно скривился. Ну как же так — почему пахнет карболкой и какими-то старыми тряпками? Прямо по Верке Сердючке: "Що це воняє? Невже це я?"

На новый образ даже не отреагировал: до того уже привык к выбрыкам собственной памяти, что совсем не удивился.

Распахиваю глаза и вижу перед собой знакомые кудри.

— Анютка... — губы против воли растягиваются в глупой улыбке.

Стоп! Так это что, не сон? С ошалелыми глазами вскакиваю с кровати и кубарем лечу на пол, едва не расквасив себе нос. Подхватываюсь и несколько томительных мгновений тупо перевожу взгляд с собственных рук на едва прикрытое одеялом тело девчушки. Она спит полуодетой, но гимнастёрка расстёгнута, отчего оба манящих полушария, хоть и прикрытых фланелевой сорочкой, очень рельефно проглядывают сквозь туго натянутую ткань, заставляя меня часто и нервно сглатывать.

Краска мучительного стыда заливает лицо и я судорожно пытаюсь убежать сразу в нескольких направлениях. Наконец, паника отступает и до меня доходит: Анютка после ночной смены так умаялась, что дрыхнет без задних ног, вообще не реагируя ни на какие раздражители. Всё ещё смущаясь, тихонько подхожу к ней и осторожно поправляю гимнастёрку, пряча от постороннего взгляда девичьи прелести, а затем аккуратно натягиваю на плечи девушки одеяло.

Господи, стыдно-то как... Она ж девчонка совсем. А я мало того, что её обнял, так ещё и распустил свои шаловливые ручонки.

Ой-ой. Тут война. Кругом смерть и страдания. А я тут девок малолетних лапаю. Да ещё и, похоже, удовольствие от этого получаю: грудь какая-то подозрительно-тяжёлая стала, да и внизу — непонятное томление. Дико хочу чего-то, аж скулы сводит. Тьфу ты, Господи, да что же это со мной? Совсем мужик сдурел!

От вновь охватившего стыда появилось желание прямо здесь и сейчас провалиться сквозь землю. Ишь чего удумал! Стыдобища...

И чтобы не усугублять ещё больше ситуацию — срочно метнулся к рукомойнику. Холоднющая вода враз остудила разгорячённое лицо и успокоила нервы.

Это ж какой конфуз чуть было со мной не приключился. Хорошо, что Анютка спала как убитая. А то я даже и не знаю, как бы перед ней потом оправдывался.

Приснилось, что лежу в кровати с некой прелестной дамой и, стыдно сказать, занимаюсь с ней... весьма пикантными делами. И настолько яркий сон. Думал — реальность. А война, наоборот, приснилась. И я — молодой, сильный парень в самом расцвете лет... был. Когда-то. А теперь даже лица своего не помню. Впрочем, как и лица той дамы, что привиделась во сне.

Н-да. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Если меня организм так часто подводить станет — я ж тут такого навоюю...

Совсем страх потерял. Понимаю, конечно: гормоны, то, сё. Тело-то молодое — в самом, можно сказать, соку. Но совесть тоже иметь надо. Мне сейчас не на баб нужно пялиться, а фрицев давить со всей, так сказать, пролетарской ненавистью.

А любить... Боюсь, и после войны с семейной жизнью вряд ли что-то получится: на мужиков, слава Богу, пока не тянет, а с девками — сам понимаю — нельзя. Ибо однополая любовь — зло. И чтобы дурные мысли в голову не лезли, нужно срочно заняться каким-нибудь общественно-полезным делом.

Но не успев отойти на безопасное расстояние, невольно вновь "приклеился" глазами к Анютке, залюбовавшись совсем ещё детским личиком, скорчившим именно в этот момент довольно умильную рожицу.

Что я могу сказать — ребёнок ещё совсем. Ей бы в кукол играть, а она уже столько крови видела — не всякий взрослый такое выдержит. И сколько таких сейчас по всем фронтам? Эх, была б моя воля — всех фрицев бы на кусочки порвал. Лишь бы такие Анютки никогда войны не видели. Всё ж, не женское дело воевать. И уж, тем более, не детское.

Ладно, расклеился совсем что-то. Сначала особист всю душу вынул. Потом раненые. Теперь вот Анютка.

Будь проклята война, на которой воюют даже дети!

И сам удивился той нежности, которая вдруг посетила моё сердце. Не любовь меж мужчиной и женщиной. Не влечение. Скорее — отцовская (теперь, похоже, материнская) забота о собственном ребёнке, который попал в беду. Ещё большее удивление вызвал тот факт, что никакого отторжения данные чувства у меня не вызвали: словно в той — прошлой — жизни я и сам успел побывать отцом. Или не успел и всё мне только кажется? В общем, запутался. Настолько сросся с Ольгой, что теперь свои чувства от её отличить не могу. Вот ведь, "не было печали...".

Короче, хватит рефлексировать. Мою работу за меня никто не сделает. Пора уже за ум браться! Поэтому, предварительно проведя гигиенические процедуры, быстренько подхватился и пошёл заниматься повышением физической культуры, отправившись в приснопамятный сарайчик. Так что визит посыльного особиста застал меня во вполне «бодром» состоянии: успел уже пару раз пройти комплекс разминочных упражнений.

Но пришлось отвлечься и снова пойти по уже известному адресу. И снова "не емши", что совершенно не радовало: похоже, у особиста начинает входить в привычку морить меня голодом.

Для того, чтобы пригласить в особый отдел, отправили какого-то молоденького посыльного. Паренёк всю дорогу разве что пылинки с меня не сдувал — носился с Ольгой как с хрустальной вазой. Представился сержантом Катасоновым. Важничал. Ну как же: как-никак, представитель «страшной» конторы. Но при этом то и дело косился в мою сторону, думая, что не замечаю его интереса. Чуть косоглазие себе не заработал, бедняга. Видимо, мучился вопросом: что его начальству от меня понадобилось, раз не арестовали, а пригласили? Причём, явно наказав "доставить в целостности и сохранности".

Однако, границы дозволенного не переходил и вольностей не допускал. Лишь когда я случайно поскользнулся на льду — поддержал за руку, не дав упасть. При этом "зарделся как маков цвет" — прям мальчик-колокольчик не целованный. Ну, да. В принципе, наверное, так и есть: молодой больно. Да и я сейчас — не то, чтобы старый. Ольге-то — всего девятнадцать. Вот ещё не было печали — тут только молодых особистов на мою многострадальную голову не хватало!

Где страшные волкодавы, от вида которых Гитлер должен заикаться и ходить под себя? Причём, даже мысль о них способна вызвать медвежью болезнь: лишь подумает — и гадит, и гадит, и гадит... Где "Железные Феликсы" с пламенным сердцем и холодной головой? Мальчишки, блин, неоперённые.

О, вспомнил на свою голову. Стоило войти в помещение, как неожиданно-негаданно "плохиш" нарисовался — тот самый вредный особист, в паре с которым ко мне в палату заявился Василий Иванович. Узрев такой подарок судьбы, вредняга, явно собиравшийся на улицу, тут же засобирався обратно. И на кой чёрт я ему понадобился? Неужто карьеру на мне, подлюка, сделать попытается? Мало ему гондурасской разведки? Ещё африканскую из племени мумба-юмба подавай?

Этот кадр так на меня посмотрел, что я сразу понял — будут проблемы. Такие гнусы свою жертву просто так не отпустят. Душу вынут, но своего добьются. Эх, как не вовремя-то!

Доложив о моём прибытии, молоденький сержантик, получив команду вышестоящего, тут же спулился в неизвестном направлении. А я предстал пред очами Василия Ивановича.

Но не успел и рта раскрыть, как за моей спиной возник "плохиш". Судя по выражению лица старлея, настроение у него было и так "не ахти", а тут градус приветливости стал стремительно падать вниз: я чуть ли не физически почувствовал, как в помещении резко похолодало.

— Василий Иванович, — ележно заблажил вошедший, — тут такое дело...

— Что вы блеете, как овца, — оборвал его словоизлияния старлей, — доложите по форме!

— Тащ старший лейтенант, — вытянулся вошедший, невольно подобравшись и щёлкнув каблуками, — Р-разрешите присутствовать при допросе обвиняемой.

— Не разрешаю! — отрезал громогласный рык старшего по званию, — Вы получили приказ. Извольте выполнять! Кр-ру-гом!.. Шагом... арш!

"Плохиш" молча развернулся на сто восемьдесят градусов и бодрым шагом покинул помещение. Но так как я стоял боком к входной двери, не смог не заметить недовольно-брезгливого выражения лица изгоняемого. И его быстрый, полный ненависти взгляд в мою сторону. Вот, блин, даже сделать ещё ничего не успел, а врага себе уже нажил. Причём, что самое интересное, даже обвиняемым обозвали. Хорошо, что "плохиша" сбагрили куда подальше, а то даже и не знаю, что бы делал.

— Сержант Катасонов! — громогласный рык больно ударил по ушам.

И когда явился мой юный сопровождающий, громкость командного голоса стала более умеренной. Начальник решил побереечь слух Ольги?

— Никого не впускать! Если только что-то очень срочное и безотлагательное.

Получивший инструкции подчинённый испарился буквально со скоростью ветра. И стук закрывшейся двери отрезал нас от внешнего мира.

Жестом указав на табурет, особист дождался момента, когда я присяду, и некоторое время играл со мной в молчанку, хмуро глядя куда-то сквозь меня. Затем сложил руки перед собой и перенёс фокус зрения в район моей переносицы. Прошло ещё немного времени, в течение которого я тихо сопел в две дырочки, никак не высказывая своего нетерпения и смиренно ожидая. Наконец, видимо, приняв решение, хозяин кабинета посмотрел мне прямо в глаза.

— Извините, Ольга, что вызвал вас. Но, похоже, выбора у меня не осталось. Мне нужна ваша помощь.

Вот те раз! Прямо так — в лоб и сразу. От неожиданности я даже не сразу понял, что именно сказал старлей.

А когда дошло, по загравку промаршировало целое стадо мурашек размером со слона.

— Я? Вам нужна? — только и смог выдавить из себя, лихорадочно пытаясь сообразить, что мой собеседник имел в виду. Нашёл помощницу, блин: тут ещё ноги еле передвигаешь, а он — помощь.

— Да. Именно вы. — подтвердил Василий Иванович, по прежнему буравя своим тяжёлым взглядом, — Для начала прошу меня выслушать. А потом уж принимать решение.

Глядя на то, как непросто особисту даются эти слова, пришлось дать согласие:

— Внимательно слушаю вас, Василий Иванович.

Ещё немного побуравив меня своим взглядом, особист продолжил:

— Не буду рассказывать о том, насколько сейчас тяжёлое время — вы и сами прекрасно об этом знаете. Приказывать тоже не имею права: вы не военнообязанная. К тому же, находитесь на излечении от ранений, полученных во время боевых действий. Поэтому прошу

внимательнейшим образом меня выслушать.

Я весь подобрался и, кажется, даже на некоторое время перестал дышать, ожидая продолжения.

— В течение нескольких месяцев — с июля по сентябрь сорок первого года — в районе станции Лычково было разбомблено несколько эшелонов с людьми. В числе пострадавших оказались не только взрослые, но и дети, эвакуированные из Ленинграда. Часть их до сих пор находится на временно оккупированной территории. К сожалению, полного списка пострадавших получить пока не удалось. Но известно, что среди них много детей руководящих работников, коммунистов и бойцов Красной Армии. Вскройся подобное — и жизнь малышей не будет стоить и гроша. Немцы их прилюдно казнят. Ситуация сложилась крайне тяжёлая ещё и потому, что нет возможности провести широкомасштабный поиск: не хватает людей. Да и связи с той стороной практически нет. А не имея никаких данных о дислокации вражеских войск и размещении уцелевших детей, мы не можем ничего спланировать.

— В общем, вам нужен разведчик, способный выдать себя за жителя Лычково, который сможет всё выведать, передать необходимую информацию и вывезти детей, — невольно вставил я свои пять копеек.

От столь неожиданной реплики с моей стороны, особист недовольно поморщился и тяжело качнул головой, отчего-то перейдя «на ты»:

— В общем-то, ты и сама всё прекрасно поняла. Обычным разведчикам вряд ли удастся сойти за местных. А у тебя, как понял, где-то в селе родная сестра обретается. Да и за свою тебе сойти гораздо проще, нежели нашим ребятам. Вполне возможно, кое-кто из знакомых может найтись. Всё в плюс: легче будет разузнать о судьбе детей.

Тут старлей замолчал. Воспользовавшись паузой, решил и я задать пару вопросов:

— Задача ясна, товарищ старший лейтенант. Неясна только реализация: каким образом осуществлять связь с Большой Землёй, если с рацией я обращаться не умею? При отсутствии же радиосвязи — как и кому передавать полученные данные? Да и мой собственный статус под вопросом: по большому счёту, я тут никто. И звать меня никак. Начнём с того, что меня нужно как-то оформить: то ли я внештатный агент, то ли военная служащая, состоящая в рядах НКВД и выполняющая важное задание партии и правительства. То ли вообще сама по себе — и тогда первый же особист, встретивший меня по эту сторону фронта, резко возжелает прислонить меня к стенке как вражеского шпиона. Да и Вы, как понимаю, не того полёта птица, чтобы решать вопросы подобного уровня. Или я чего-то не знаю, а вы — находящийся здесь представитель Ставки по каким-то особо важным делам, и данные вопросы как раз именно в вашей компетенции? Судя по всему, в предстоящем задании есть доля и вашего личного интереса. Скорее всего, дело связано ещё и с поиском ваших родных, которые оказались не в то время не в том месте. Я права или в чём-то ошиблась?

— Хм-м... — только и выдавил из себя особист, старательно пряча изумление за хмурым выражением лица, — Кое-в-чём ты права. Уж прости за то, что "тыкаю", но вот говорю с тобой, а перед глазами моя старшенькая...

Тут мой собеседник снова замолчал, о чём-то задумавшись. Но прошло немного времени и, потрянув головой, словно отгоняя от себя невесёлые мысли, продолжил:

— Вкратце: решать право имею. И личное тоже присутствует: в одном из разбомбленных эшелонов находились моя старшая дочь Елена и младшенький Васютка. Дочери — четырнадцать, сынишке — двенадцать. Пропали без вести. Не знаю — живы ли?

Жена погибла несколько месяцев назад — тоже попала под бомбёжку. Так что сама понимаешь... А насчёт связи подумаем. Да и с твоим статусом определимся. Как смотришь на то, чтобы пройти подготовку в составе разведывательного подразделения? По большому счёту, тебя с полгодика-годик подучить бы. Да времени в обрез: ты уже не первая, кто приносит нам известия об уничтожении эсэсовцами целых деревень. Боюсь, протянем ещё немного — и идти в тыл врага будет уже попросту бесполезно: трупам помощь уж точно не понадобится.

— Как понимаю, идти нужно будет с разведчиками. Через них и связь держать.

— Скорее всего, именно так.

— И вы вот так просто доверитесь какой-то непонятной девчонке?

— Если начистоту, то вопросов у меня к тебе не просто много, а очень много. Уж не думаешь ли, что своим «тут помню, тут не помню», можно меня одурачить? Так я и поверил, что деревенская Дуська может с лёгкостью уконтропупить целое подразделение эсэсовцев, потом расхреначить на дороге ещё одно подразделение вермахта, взяв в плен офицера, затем поднять на воздух половину железнодорожной станции, да ещё и подбить несколько танков противника во встречном бою. У тебя же на лбу высшее образование нарисовано. А по возрасту — едва школу окончила. Как такое может быть — не знаю. Может, объяснишь?

И только я открыл рот, чтобы закатить ответную ретираду, как был безжалостно прерван:

— Только не надо выдумывать! — глаза особиста превратились в смертельно-опасные прицелы, смотрящие, казалось, в самую душу, — Это ты другим лапшу можешь вешать про своё деревенское происхождение. Я же вижу перед собой вполне взрослого, достаточно умного человека, получившего хорошее образование и владеющего, как минимум, несколькими военными профессиями. У нас машину водить — и то редко кто умеет. А ты спокойно освоила бронетранспортёр. Из пушки, вон, стреляла. И не просто так, а весьма результативно. Да и стрелком оказалась отменным. А свой якобы деревенский акцент лучше никому больше не демонстрируй — раскусят в два счёта. Здесь так не говорят. Кстати, восстановить твой комсомольский билет мне вполне по силам. Вот документов о том, что ты «Ворошиловский стрелок», увы, как-то не обнаружилось. Но стреляешь так, что любому снайперу завидно. Как так?

— Как, как... — так и хотелось язвительно выдать «каком кверху», но я прекрасно понимал, что хожу по грани.

И потому решил выдать полуправду:

— Не всё вам рассказала. Кое-что, всё-таки, помню. Но амнезия действительно наличествует. Просто осознала себя лишь с того момента, как воскресла...

Пришлось рассказать особисту слегка урезанную версию осознания себя в потных лапах эсэсовца-наильника. Естественно, без подробностей о том, что моё сознание прибыло в тело Ольги из какого-то другого места (или даже мира).

— Так что откуда я столько всего знаю и умею, для меня самой загадка, — окончил я своё повествование, — Можете меня пытаться, но ничего сверх того, что уже рассказала, не скажу — ибо не знаю. Для меня самой всё, что сотворила, просто невероятно. Могу только напомнить, что с людьми, побывавшими за гранью, вполне могут твориться какие-то невероятные чудеса: одни начинают говорить на неизвестных ранее языках, другие приобретают неведомые ранее знания и умения. Я, похоже, из последних.

— Вижу, что не врёшь. Недоговариваешь — это да. Но не врёшь, — удовлетворился

старлей. Но тут же подколот — Особенно впечатлили слова «побывавшие за гранью». Ну точно Дунька-доярка!

Неожиданно, рассмеялись оба. Ведь ясно же: я не тот, за кого себя выдаю, и особист об этом знает. Но пока мы идём в одном направлении — не возражает и лезть в душу не пытается. Паритет-с...

Отсмеявшись, Василий Иванович вдруг посерьёзnel и продемонстрировал фото своих родных. На маленькой фотокарточке были запечатлены все четверо: Василий Иванович с женой и детьми. Внимательно изучив лица детей, вернул фото владельцу. Как-то так получилось, что тяжело вздохнули оба одновременно. Затем мой собеседник вернул фотоснимок в нагрудный карман и продолжил:

— Даю тебе ещё два дня на приведение себя в порядок. Послезавтра с утра переводись на новое место. А пока ознакомься с документами.

И особист подsunул мне пухлую папку, набитую под завязку. Материалы пришлось изучать при нём.

Думал, попытаются сделать из меня некоего «сексота» (секретный сотрудник), но старлей решил немного иначе:

— Не знаю, Оля. Может, я на холодную воду дую, но в нашей конторе официально оформлять тебя не буду. Есть, знаешь ли, некие факторы, из-за которых всё может пойти кувырком. Хотел сначала отправить тебя в Выползово — пристроить на время в качестве связистки в запасной полк. Но ситуация меняется очень быстро, да и время не ждёт. Светить тебя лишним людям совершенно не хочется: в нашем тылу и так полно вражеских агентов. Кто-то что-то увидит, кому-то шепнёт — и дело, считай, загублено. Поэтому пару дней ещё останешься при госпитале. Занимайся в сарайчике своей странной физкультурой, — тут выражение лица Василия Ивановича приобрело весьма хитрое выражение, — а затем к тебе подойдут. Скажут — от меня. Пойдёшь куда направят. Неделя (максимум — две) на подготовку. И в путь. Больше нельзя. Сама понимаешь. Всё остальное — в процессе.

Я, конечно, понимал, что время сильно поджимает. Да и сам стремился добраться до Лычково как можно быстрее. Но против физики не попрёшь: организм ещё не восстановился. А что я могу сделать в полудохлом состоянии? Но только собрался задать вопрос, как старлей взмахом руки остановил моё словоизвержение:

— Я хорошо осведомлён о состоянии твоего здоровья. Ты уж извини, но как ни неприятно это говорить, совсем выздоравливать тебе нельзя. Люди голодают. Особенно на временно-оккупированной врагом территории. Придёшь в деревню сытая, хорошо одетая — тут же вычислят. Будешь полуголодной оборванкой — сможешь сойти за свою.

— Если только немцы не получили ориентировку на одну сумасшедшую русскую, которая шла на восток, периодически обстреливая подразделения эсэсовцев, многие из которых благополучно отправились на тот свет.

— Да, это может стать проблемой... в том случае, если не удастся выдать себя за коренную жительницу Лычково. Именно тут помощь твоей сестры может стать просто неоценимой. Вы же, насколько я понимаю, близнецы. Мне дальше продолжать или сама уже обо всём догадалась?

Вот что значит особист: такую комбинацию придумал — просто не могу не восхититься его проницательностью! Куда уж мне с контуженными куцыми мозгами?

— А если кто-нибудь из местных проболтается о том, что мы с Дашей комсомолки?

— Не беспокойся, — ухмыльнулся особист, — Не проболтается.

— В смысле? — удивился я.

— Вы не комсомолки. И никогда ими не были.

— А, — уже в свою очередь ухмыльнулся я, — Так по поводу комсомольского билета проверка была — правду ли про свою память говорю?

— Ну, сама понимаешь: в нашем деле доверяй, но проверяй.

— Ладно. Не дурнее паровоза. Поняла.

— Вот и ладненько! Встречаться больше не будем: тебе не по чину, а мне нельзя так топорно афишировать свой интерес. Отныне очень внимательно смотри за обстановкой. Восстанавливайся. Готовься. Ещё раз увидимся, скорее всего, только перед твоим выходом в Лычково. Необходимое снаряжение и материалы тебе предоставят.

Мы ещё немного поговорили со старлеем, прикидывая разные варианты. Решили пока оставить всё как есть: данные обо мне останутся только у самого особиста. В курсе нашей "афёры" всего несколько человек: я, старлей и некий «Третий», на которого можно выйти, зная ключевые явки и комбинации паролей-отзывов. Есть ещё и «Четвёртый». Но к нему нужно соваться лишь в том случае, если других вариантов уже не останется.

Ох, чую, неспроста эти шпионские игры вокруг меня разворачиваются. Сам-то по себе имею ценность весьма невысокую — практически, нулевую. А вот дело, которое необходимо проверить, похоже, на контроле в довольно высоких кругах, куда мне-деревенщине хода нет. И если в цепочке пропадёт хотя бы одно звено, придётся решать все возникающие проблемы сугубо самостоятельно: мне тогда уж точно никто не поможет. И если попадусь каким-нибудь особо ретивым дуболомам типа недавнего особиста-плохиша, дело может закончиться расстрельной стенкой. Против этого, конечно, есть очень существенный козырь в рукаве (то бишь, подкладке), но не перед всяким же будешь им размахивать. Когда кругом полно предателей всех мастей, можно ведь и не на того нарваться. И тогда расстрельная стенка может оказаться вообще недостижимым раем. А мне бы очень не хотелось подвергать организм Ольги новым испытаниям. Ей и так уже досталось — мама не горюй.

В общем, напоследок пожали друг другу руки и я уже собрался, было, свинтить, как, повинувшись безотчётному импульсу, старлей подхватился со своего места и, обхватив меня напоследок своими лапищами, притянул к себе и обнял. Затем отстранился и, развернув лицом к двери, слегка подтолкнул в её направлении, глухо напутствовав:

— Долгие проводы — долгие печали. Иди, дочка. И сделай всё, что нужно.

— Уже взявшись за ручку двери, обернулся к Василию Ивановичу и, еле сдерживая подкативший прямо к горлу ком, невнятно просипел:

— Всё, что можно, сделаю. До встречи!

Открыл дверь и быстро вышел из помещения. И был почти уверен: в этот момент особист клял себя последними словами, ругая за то, что втягивает в очень опасное дело совсем ещё девчонку. Но более приемлемого решения, похоже, не нашлось. Да я не против — сам не смогу отсидеться в тылу в такое тяжёлое для страны время.

Шёл в сторону медсанбата уже без сопровождения. Снег мерно похрустывал в такт шагам. А я, увлечшись обдумыванием полученного задания, абсолютно утратил связь с реальностью и не чувствовал одного весьма злобного взгляда, пытающегося прожечь дырку в моей удаляющейся спине...

Новые горизонты

Два дня пролетели — даже не заметил. Закрутился, как белка в колесе: утром, затемно,

пробежка по крепкому морозцу, затем занятия в приснопамятном сарайчике, завтрак, помощь раненым, снова бег по поручениям и без оных, перекус на бегу, опять раненые. И так далее, по кругу. Причём, с кормёжкой далеко не всё так радужно: народ действительно голодает и продуктов выделяется суший мизер. Из-за этого полуголодное существование скорее норма, нежели исключение.

В зимнее время темнеет быстро — вечер незаметно перетекает в ночь. Поэтому при отсутствии банальных часов весьма проблематично одно отличить от другого. И только потому, что в медсанбате поддерживалось хоть какое-то подобие распорядка, можно было разобраться со временем суток.

Так-то утром меня подбрасывала некая внутренняя пружина. В одно ли время — не в курсе: часов-то нет. А вот по окончании «трудовой вахты» отрубался как Бог на душу положит. И совершенно было непонятно — поздно или уже рано?

Памятуя о наказе старлея, никому ничего не рассказывал, усиленно готовясь к отбытию. Два дня — не Бог весть какой срок, но моя китайская гимнастика всё же, дала первые плоды: меньше стал уставать, на ногах держался более уверенно, да и головные боли стали не так сильно докучать. По крайней мере, ложку мимо рта уже не проносил, как бывало в первые дни после того, как очутился в медсанбате.

Утром третьего дня вместо посыльного от Василия Ивановича своим визитом меня почтил Пал Палыч и, ничтоже сумняшеся, пригласил пройти в свой кабинет. На самом деле, кабинетом это помещение язык не повернётся назвать. Однако самое важное в нём то, что отдельное и изолированное — вполне можно пообщаться без лишних, как говорится, ушей.

— Ну вот, дочка, пришла нам пора прощаться, — присев на табурет за кургузым столиком из потемневшей от времени древесины, тяжело вздохнул военврач.

Я лишь вяло пожал плечами, поудобнее устраиваясь напротив, и, ожидая продолжения, уставился на собеседника.

Не дождавшись более никакой реакции, Пал Палыч ещё раз тяжело вздохнул и потупился:

— Рановато, конечно, тебя выписывать, но ничего не поделаешь: необходимо освободить место для вновь прибывшей партии раненых. А потому — кого в тыловые госпитали, кого обратно на передовую, а кого и в запасные полки на переформирование. В местной деревушке, вон, скоро в сараях раненых размещать начнём — больше негде. Сама, небось, в курсе. Так что по-любому надо медсанбат разгружать. Насчёт тебя ничего сказать не могу. Имею распоряжение лишь передать с рук на руки провожатому. А дальше от меня уж ничего не зависит.

Блин. Он что, считает — за мной «чёрный воронок» приедет? Слишком много чести. Хотя подобного не исключаю, но скорее всего какой-нибудь «дальний родственник» пожалует. Или привет от него передадут. Так и надёжнее, и незаметнее. Видимо, военврачу о моём задании ничего не сказали: что знают трое — знает и свинья. Незачем организовывать утечку данных на ровном месте. А Пал Палыч мог подумать, что меня собираются отправить в «места не столь отдалённые». Потому и пригласил к себе, чтобы выяснить подробности. Но и я рассказать ничего не могу — просто не имею права. Вот и молчу, боясь вякнуть что-нибудь не то.

Поэтому ещё некоторое время помолчав и «пободавшись» взглядами с собеседником, ободряюще улыбнулся:

— Всё нормально, Пал Палыч. Просто получила известия о том, что родственники

нашлись. Пусть дальние, но всё же... Поживу у них немного, в себя приду. Человек один должен восточку передать. Возможно, вместе с ним и поеду.

— Так ты ж сама хотела остаться, — хитро сощурился этот аспид медицинской наружности.

— Вот повидая своих, подлечусь, подхарчусь, да и вернусь обратно — уж будьте уверены! — не поддался я на провокацию.

Широкая улыбка «во все тридцать два» и невинный взгляд беззащитной овечки продержались на моём лице не больше нескольких секунд. Грохнувший смех едва не уложил обоих на пол — смеялись так, что прослезились, не в силах остановиться. Дошло аж до коликов в животе. Зато после смеха атмосфера доверия была восстановлена. Тут-то мой собеседник и посетовал на отсутствие культурной программы у ранбольных: дескать, «окультуренные» раненые быстрее выздоравливают.

А я ему что — филармония на выезде? Да ещё и сам отменным здоровьем отнюдь не блещу. Так и сказал. Однако, военврача этим смутить не удалось. Он просто отметил, что артисты в ближайшее время вряд ли смогут к нам попасть. Дескать, их мало, а фронтов много. Но оставлять раненых без культурной программы как-то нехорошо: люди реально устали от войны. Надо хоть изредка, но делать передышку. В общем, придётся справляться собственными силами. Попросил хотя бы один стих прочитать, лишь бы людям сделать приятное. Нравы тут простые — никаких политесов. Так что даже уровень обычной самодеятельности вполне придётся ко двору. Если честно, мысленно я с ним согласился. Только, видимо, из врождённой вредности сдаваться не хотел. Да и боязно: как стихи рассказывать, если не помню ничего? Хоть бы книжку какую дали — не выдумывать же на ходу. Впрочем, литературой соответствующей доктор меня, всё же, снабдил. И ведь нашёл на мою голову, да ещё кого — Пушкина! Блин! Просто слов нет.

Как поэт — очень хорош. Но не читать же «Я к вам пишу — чего же боле?». Да, вспомнил этот стих. Полистал книгу, подумал, просмотрел материал «по диагонали» и решил выдать на гора что-нибудь патриотическое. А из этого на глаза попала только поэма «Полтава». Однако, всю читать замучаешься: пока дойдёшь до конца — уснут все. Решил ограничиться отрывком, начинающимся словами «Уж близок полдень, жар п ы л а е т ... » . <http://russkay-literatura.ru/pushkin/651-pushkin-as-poltavskij-boj-iz-poemy-lpoltavar.html>

В принципе, с этим хитрым лисом в человеческом обличье я, всё же, согласился. Но напоследок спросил просто и ясно: «Почему сейчас? Никакой знаменательной даты, вроде, не наблюдается. И почему именно я?»

А этот гад ползучий лишь ухмыльнулся и ответил чисто по-еврейски, вопросом на вопрос: «А почему бы и нет? Что, дескать, мешает?».

В общем, я не нашёл что ответить. Вместо этого, выйдя от Палыча, тут же рванул к Анютке. А там — дым коромыслом: почти все санитарки бегают как наскипидаренные, о чём-то друг с другом трывают, что-то вслух декламируют — типа готовятся.

Этот бурлящий водоворот увлёл за собой и меня. И теперь я тоже куда-то мчался, что-то читал, с кем-то общался, не забывая при этом обихаживать раненых. В общем, к вечеру (надеюсь, что это был вечер, так как за окном — тьма тьмушая, а спящих практически не было) потихоньку все утихомирились и мне, наравне с остальными участницами (коллектив, как ни крути, кроме гармониста да военврача — женский), выдали приблизительную программу мероприятия. Быстро окинув взглядом эти наброски, не мог не признать

услышанное, а с четвёртого куплета уже начали подпевать.

И такая радость засветилась в глазах тяжелораненого казачка, что по окончании песни подошёл к парню и, взяв его ладонь в свою, вдруг запел «В землянке» Алексея Суркова. https://ru.wikipedia.org/wiki/В_землянке.

Пока исполнял, совершенно не думал о том, что (как уверяла память) в это время стихи уже были, а музыку ещё не написали. Так что, исполняя песню, слегка опережал время. Ненамного — всего на месяц, но вклинился со своими пятью копейками. Сама обстановка требовала. Я прямо чувствовал, как из раненого вытекает жизнь и как важно было ему услышать своё, родное, как важно было почувствовать перед уходом за грань некое единение с окружающими людьми. Пришлось рискнуть. Песня-то сама по себе знаковая. В это время подобные шедевры ценились очень высоко и исполнить её первым означало «засветить» себя. И так-то выбиваюсь из среднестатистического ряда, а тут повышенное внимание органов будет гарантировано.

Конечно, нехорошо, что лавры первой исполнительницы вместо Лидии Руслановой достанутся мне (хоть и незаслуженно). Но ради этого парня решился на небольшой плагиат. Песня-то уже, фактически, написана. А я выступаю не по радио перед всей страной. Кто там потом вспомнит, что какая-то мутная девица спела песню чуть раньше официальной премьеры? Уж я-то лавры первенства оспаривать точно не собираюсь! У Руслановой гораздо лучше получится. Вот её-то и запомнят. А тут — перед лицом смерти разве важно кто кого перепел?

Что песня? Тут совсем молодой паренёк погибает и, судя по выражению лица того же Пал Палыча, уже и не жилец совсем. У меня — слёзы из глаз, но упорно пою и не желаю отпускать руку казачка.

Вот и допел...

С последней нотой жизнь покинула тело парнишки. Но ушёл он спокойно — с ясной, безмятежной улыбкой на лице. Будто просто заснул и увидел прекрасный сон.

А у меня в груди — ураган. Только и успел отпустить его безжизненную ладонь, как кулаки сжались сами собой. Уже мутнеющим взглядом окинул окружающее пространство, мысленно выделяя отдельные лица, и скорее прохрипел, нежели сказал:

— Этому парню от силы лет семнадцать. Почему он умер?

В ответ — тишина.

— Знаю, скажете — война, мол. И враг силён. И тяжело.

Я замолчал на несколько секунд.

— Так какого же... вы, товарищи бойцы, валяетесь по медсанбатам? Смерть — не повод выйти из строя! У вас должен быть такой градус злости, чтобы вражеские пули от вас отскакивали. Чтобы фрицы боялись одного вашего имени. Чтобы гадили в штаны лишь завидев вас. Вот до какого градуса ненависти вы должны дойти. Вы этих гадов должны руками рвать, зубами грызть. Чтобы такие вот паренки не погибали раньше времени. Ни одной смерти! Слышите? Все ваши ранения — лишь царапины. Помазал зелёной — и снова в бой. Чтобы у врага только от вашего вида открывался вечный понос. Вы должны растоптать фашистскую гадину, с корнем вырвать у неё плотку. Вы — советские бойцы! Вы — те, кто ломает хребет Гитлеру. Помните об этом. И не допускайте смерти таких юнцов. Им ещё жить да жить. Любить. Детей растить. Кто их заменит? Кто, я вас спрашиваю? Скольких мы не досчитаемся после этой проклятой войны? Теперь ваша задача воевать не только за себя. Но и за этого парня. И за другого парня, что сложил голову от вражьей пули.

За всех молодых парней и девочек, что потеряют на этой войне матери. И за матерей, что враг убивает на этой войне походя — просто потому, что ему так хочется. Вы! Именно вы в ответе за всех погибших. Потому, что вы — живые. Выздоровливайте быстрее, братцы. И снова на фронт. И бейте, грызите, топчите фашистскую гадину! Нет этим тварям места на нашей земле. Разве что в качестве удобрений. Все меня поняли?

Угрюмое молчание было мне ответом.

— И чтобы больше никто не помер! Вы слышите меня? — мой голос уже звенел от стальных обертонів, — Отныне ни у кого из нас нет права на смерть! Мы — русские! У нас даже мёртвые помогают живым. Ослаб духом — вспомни своих предков. Они не дадут смалодушничать. И поддержат в тяжёлую минуту. А нам всем нужно жить и бить в хвост и в гриву фрицев, где бы они ни находились. Ведь сама земля помогает нам. И кроме нас никто не имеет права ею владеть. Это наша земля! Здесь наш дом. Гитлеровцам здесь не быть!

На этих словах круто развернулся и выскочил в чём был прямо на мороз. А дальше всё слилось в белёсом мареве гнева.

Где бродил, что делал — и сам не ведаю.

Пришёл в себя, наверное, только под утро, стоя над изголовьем Анюткиной лежанки. Костяшки пальцев почему-то саднили и оказались наспех перемотаны тряпками, отдалённо напоминающими по цвету немецкую форму. Но хоть я и заметил, что с руками что-то не так, этот факт проскользнул мимо сознания.

Дикая тоска рвала мне сердце и я с трудом сдерживался, чтобы не завывать волком. Постоял, посмотрел на безмятежное выражение лица Анютки, молча развернулся и снова вышел на мороз.

А на встречу — истопник: охая и кряхтя встал с завалинки, подошёл и, критически осмотрев с головы до ног, молча накиннул мне на голову пуховый платок. Затем помог натянуть фуфайку, подхватил под руку и повёл в свой закуток.

Усадил за кургузый деревянный столик, налил кипяточку, выделил целый кусман сахара, что для этого времени было просто невероятным богатством (наверное, все запасы мне отдал), и присел напротив, прихлёбывая свой кипяток, да внимательно поглядывая в мою сторону из-под кустистых бровей.

— Что, наворотила я дел? — первым нарушив молчание, взял со стола хозяйский нож и одним резким движением разбил кусок сахара на две примерно равные половины, одну из которых недвусмысленно пододвинул хозяину.

Дедок удивлённо хмыкнул и, хитро прищурившись, взял свою половинку, надкусил, отхлебнул кипяточка и блаженно прикрыл глаза. Затем немного помолчал, крякнул от удовольствия и ухмыльнулся:

— Умаяла ты меня сегодня, девка. Как есть умаяла! — и снова молчок.

Есть у некоторых пожилых людей привычка очень медленно цедить слова. Пока дождёшься от таких ответа — все жилы на кулак наматывают. Но в данном случае решил не подгонять старика: спрятав глаза, всем своим видом постарался показать крайнюю степень заинтересованности в продолжении повествования. Видимо, оказался прав, так как собеседник ещё раз усмехнулся каким-то своим мыслям и, отхлебнув кипяточка ещё раз, проговорил:

— Я ж за тобой, бедовая, почитай, всю ночь по лесу бегал, — и, усмехнувшись снова, добавил, — Зато план по лесозаготовкам перевыполнили.

— В смысле? — ничего не понял я.

— Ну, ты ж как выскочила из помещения-то, так и припустила в сторону леса. Я, значит, углядел енто дело — и за тобой. Ты ж, почитай, почти без ничаво убёгла — ни шапки, ни шубы. Замёрзла бы. Хорошо, что я недалече стоял. Схватил одёжу-то твою, и ходу. Ох, и быстра ж ты, девка. Даром что на голову шибанутая. А так припустила — по следам еле нашёл: темно ведь ужо. А у меня ж и лампадки с собой нетути.

Истопник немного помолчал, собираясь с мыслями, ещё раз куснул сахарок и хлебнул кипяточка.

— В общем, значит, когда тебя настиг, ты уж цельну ель чуть не в труху перемолола. Вовремя успел: ещё немного — и ствол аккурат на твою бедовую голову бы сверзился. Но успел, вишь, выдернул. А то у тебе взгляд как у той чумачечей. Дышишь, как та загнанна лошадь, и к ентной треклятой ели обратно рвёши. Вывернулась из рук, значит, и давай елину снова лупцевать — только щепки летять. Я, от греха подальше, за друго дерево спряталси. Чтоб под руку не попасть, ежли шо. Так ты как с цепи сорвалась: пока ствол на чурки не нарубала — не успокоилась. Я токма подсказывал, что нужны чурбаки, а не труха какая. Вот и нарубала.

— В смысле нарубала? — у меня чуть волосы на голове дыбом не встали, — Я что, дровосек? Топором хоть нарубала?

— Да нет, — усмехнулся этот хрыч старый — подзуживал, видать, — Руками, конечно. Я уж и отговаривал тебе — всё ни в какую. Только успевай поворачиваться — работала не хуже пилюрамы: прыг к дереву — и ну его долбить. А как свалилось — прыг к следующему.

— Руками? Руками валила? — ещё больше изумился я, и снова посмотрел на собственные руки.

Только сейчас до меня дошло, что кисти были плотно замотаны и довольно сильно болели. Наверняка ведь лупил кулаками по какой-то твёрдой поверхности. Только процесс осознания сего действия как-то подозрительно подзатянулся.

— Руками и есть, — ещё раз подпустил шпильку дедуган, — Подбежишь к стволу — хык-хык, хык-хык — токма щепки летять. Отбежишь чуток, и с новыми силами — хык-хык. Но с топором-то удобнее: схватила б — и тюк-тюк, тюк-тюк... Ан, нет. Топор тебе, вишь ли, не инструмент... Я токма и успевал покрикивать, чтоб сильно длинные чурбаки не рубала. Вот ты и хыкала. А потом ишло и половину чурок извела — замучилси поленницу собирать. Тут ведь как — ежли зазевалси — дровенякой и в лоб получить можно. И, главное, елыну-то на чурбаки пилой гораздо легче напилить. Но куда там! Я дажно слова вставить не мог — всё так изрубила. Хорошо хоть не дюже мелко...

— Да не, дед, не обманывай меня. Стволы на чурки руками рубать? Я ж не колун какой. Это как же мне в голову-то так шибануло — и не помню ведь ничего...

Хитрый дед ещё раз усмехнулся.

— Ладно, девка, скажу правду: пожалел я тебя — дал топор, да руки замотал. А то и так все костяшки в кровь сбила. Зато потом — с топором-то — так ладно у тебя дело пошло, что решил не мешать. Оно ж как — с потом и кровью боль с души выходить. Вот и тебе эта трудо-те-ра-пия на пользу пошла: к концу ужо успокоилась, итить. Я токма за санями сбегал — вона, почти целую поленницу с тобой привезли. Ты сама и тягала. Я направлял токма.

И снова хитрый дед шурится в усы, да кипяточек прихлёбывает.

— Тогда спасибо тебе дед, что в трудную минуту не бросил. Сам понимаешь — муторно было на душе. Зачем нужна такая война, на которой гибнут матери и дети? Кто ответит за все эти злодеяния? Вот и сорвалась с нарезки.

— Да, дочка, ерманец нынче не тот — озверел, что ля? В импери... листичскую даже бывало, братались. А тут... Эх...

Мелькнувшая мысль заставила меня замереть и внимательно посмотреть на нож, лежавший на столе. А ведь я даже не заметил, как тяжеленным охотничьим тесаком так ровно поделил кусок сахара на две половинки. То-то дед оценил — аж крикнул от удивления. Ну что ж, всё одно мне скоро уходить — надо бы деду память о себе оставить. Да и должок за мной нагорел перед ним немалый.

— Слышь, дед, есть у тебя чурбачок поровнее, да покрепче? Хочу тебе кое-что на память оставить.

— Есть. Как не быть? — и с этими словами передо мной «нарисовалось» ровное полено без сучков.

— Вот спасибо, дед, — промолвил я, схвативши охотничий тесак, и сразу углубился в работу.

Сам не заметил, как за окном забрезжил рассвет, а на столе перед изумлённым взором истопника оказалась небольшая деревянная статуэтка: скрестившая руки на груди девушка смотрит в даль-далёкую. Губы плотно сомкнуты, брови нахмурены. Лицо отдалённо напоминает Ольгу. Ноги статуэтки попирают расколотую свастику. На животе вырезана пятиконечная звезда. Вполне себе символично получилось. Жаль, раскрасить нечем. Так деду и вручил результат трудов своих — сырую, неокрашенную деревяшку. Но мне показалось — дед проникся. И хоть виду не показал, но подарок пришёлся ему по душе. Так и расстались.

Утром за мной зашёл ничем не примечательный мужик неопределённого возраста со знаками различия пехотного лейтенанта, представился лишь по фамилии — лейтенантом Игнатьевым. Намекнул, что от общего знакомого. Передал документы, козырнул и вышел на улицу, где меня уже поджидал... нет, не какой-нибудь четырёхколёсный драндулет, а самый популярный ныне вид транспорта — сани, в которые была запряжена выдавшая виды тощая кобылка. Правил агрегатом повышенной проходимости мощностью в одну лошадиную силу заросший по самые глаза старичок-боровичок в треухе — кроме огромной купеческой бородищи ничего и не разглядишь.

Мысленно пожелав себе удачи, вышел на крыльцо. Одежонка плохонькая — всем медсанбатом собирали “с бору по сосенке”. Тощий сидор за плечами, в котором почти ничего нет — ну чисто для видимости. Вдохнул морозный воздух, улыбнулся своим мыслям и потопал к саням. Те двое только коротко зыркнули в мою сторону (кобылка и ухом не повела), подождали, пока устроюсь, сами заняли положенные им места и...

— Н-но, родимая, — прикрикнул дедок и смешно чмокнул губами, одновременно с этим дёргая поводья. Лошадка вскинулась, цокнула копытами по плотно укатанному насту, и мерно потрюхала по улице к выезду из деревни.

Жаль, с Анюткой лично проститься не удалось. Когда уезжал, эта мелочь пузатая ещё спала. Будить не стал — и так, бедняжка, умаялась. Ну а остальным глаза мозолить тоже не захотел: меньше знают — крепче спят. Удалось лишь передать через истопника две короткие записки: одну Анюте, другую военврачу.

А пока суть, да дело, попытался представить свой дальнейший путь. Куда еду — пока не знаю. Лейтенант за всё время ни словом не обмолвился — молчит, как партизан на допросе. Впрочем, как и старичок-лесовичок. Но дело-то нехитрое: раз нужно попасть на временно оккупированные территории, значит мне светит лишь одна дорога — к разведчикам, либо

диверсантам. Но второе вряд ли — откуда им сейчас здесь взяться? Пару-тройку дней (может, и больше) уйдёт на слаживание — и вперёд, за линию фронта. Ну а там как карта ляжет. Справлюсь с задачей — я на коне. А не справлюсь — никто после провала обо мне и не вспомнит. Не те нынче времена, чтобы с каждым нянчиться. Сможешь оправдать доверие — молодец! Возьми с полки пирожок и вот тебе следующее задание. А не сможешь — лучше не возвращайся. Ибо провала не простят. В лучшем случае просто забудут о моём существовании: людей в проекте мало, наверх информация просто так, думаю, не просочится. Ну а в худшем — сделают из меня показательного козла (то бишь, козу) отпущения. И тут уж ничего не сделаешь. Разве что удастся как можно эпичнее и пафоснее сдохнуть на глазах у всех, дабы ни у кого не возникло сомнений в моей патриотичности. Старлей, конечно, и так в курсе, что не предаю. Но не он рулит системой, а она им. Система любого перемелет и в труху превратит — прожует и выплюнет. Время такое — война называется. Тут не до сантиментов. Вот такая сермяжная правда.

От тяжёлого предчувствия заныло сердце, но виду не подал: чего заранее переживать? Вот вляпаюсь — тогда и думать буду: что, да как, да зачем?

Дорога дальняя. Всего через пару часов я был уже далеко от медсанбата, всеми силами пытаюсь не замёрзнуть в процессе транспортировки, чему не особо сильно помогал даже выделенный сердобольным дедком овчинный тулуп с высоким стоячим воротником, в который я закутался весь полностью — только нос выставил наружу, чтоб дышать. Как там себя чувствовал лейтенант — не в курсе, ибо упакован он был во вполне себе добротное зимнее обмундирование. Но мне было совершенно не до него: уже через полчаса я задубел так, что зуб на зуб не попадал. Да ещё и ветерок поднялся, вымораживая последние крохи тепла.

Так и ехали. Сани — транспорт с весьма мягким ходом. Не чета всяким полуторкам с жёсткой подвеской, на которой если и доберёшься к финишу — только в очень сильно взболтанном состоянии. Часто даже в весьма некомплектном виде — что-нибудь, да потеряешь на каком-нибудь особо злобном ухабе. А тут — красота: от мягкого хода даже носом начал клевать. И если бы не мороз — давно бы задал храпака. Но мысли, мысли... Стали одолевать всякого рода нехорошие мысли на предмет провала операции с моей стороны. Отбрыкивался от таких мыслей как мог. Однако, не думать о будущем никак не получалось.

Будущее одновременно и манило к себе неизвестностью, и ей же отталкивало. Да уж, жизнь у меня сейчас такая, что всегда бьёт ключом, но почему-то, сугубо по голове. Что мне подкинет судьба в разведывательном подразделении? Что будет дальше — не знаю. Знаю только, что пока дышу — буду бороться с ненавистной фашистской гадиной. Один из нас точно должен умереть: либо я, либо Гитлер со всем его проклятым нацизмом. И последнее гораздо более предпочтительно. Что со мной, что без меня.

А я, почему-то, задумался об обычных русских женщинах, на долю которых выпало столь тяжёлое испытание: девушки-комсомолки, санитарки, что в нежном, юном возрасте идут спасать раненых. Да под вражеским огнём, да на поле боя. Этим мелким пигалицам оказалось под силу тащить на своих плечах раненого минимум вдвое тяжелее их. И ничего — справляются. Воистину земля русская богата своим народом. Русские мужики костями лягут, но своих от смерти спасут. А русские бабы могут и с поля боя раненого вынести, и в рукопашную пойти, и у станка три смены без продыху отстоять, и ребёнка выносить, родить, выкормить, одеть, обусть и воспитать. При этом ещё и умудряются пахать как проклятые. В

этом сила наша — таков русский народ. Таковы русские женщины. Других таких во всём мире не сыскать, ибо нет таких больше...

Позёмка мела, ветерок задувал во все щели. А я, борясь с трескучим морозом, мыслями парил где-то далеко — там, где меня ждут. Есть ли такое место на земле? Не знаю. Но хочется верить. Мысли скакали с одного на другое, пока вдруг не сложились в стихи:

***** <https://stihi.ru/2022/06/18/822>

По золотой земле червлёная трава:
Легко порхает нежное запястье.
Девушка, цветом сдобрив кружева,
Вдруг вскинувшись, почуяла несчастье.

Полгода уж, а милого всё нет:
Ни писем, ни вестей, лишь скорбь разлуки.
Убит? Пропал? Не мил стал белый свет.
Тоска в глазах, дрожат и зябнут руки.

Игла продолжит гладью нити бег,
На полотне уж контуры знакомы:
Солдатик мой, милёнок, оберег
К порогу приведёт тебя родному.

Сидит и ждёт, печалась и скорбя,
Сердечко девичье всегда простить готово.
Увечен пусть... Пусть болен... Лишь меня
Забыть не смей! Вернись! Приму любого!

С утра, чуть свет, — на смену у станка,
Куётся где победа фронтовая.
С надрывом, замерзая, но любя,
Отцов и дедов ждут, изнемогая.

По золотой земле червлёная трава
Слезой омыта вся... И кисть устала...
Солдату нужно мало — чтоб ждала,
Чтоб к дому путь любовью вышивала.

Видимо, я всё же задремал. И снились мне бескрайние русские просторы. И жизнь без войны. И дом — мой милый дом, которого я ещё не видел, но верил, что он где-то существует и ждёт меня. Только до возвращения многое нужно ещё сделать. И основное — сломать хребет гитлеровцам. Жёстко переломать их через колени, чтобы на всю жизнь запомнили и правнукам своим наказали — «Не ходите на Русь войной! Здесь вы найдёте лишь свою смерть».

А в это время след, оставляемый санями на снегу, очень быстро исчезал в белёсой полумгле надвигающейся метели...

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ.

